СТАНОВЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕВЕДЕНИЯ В УКРАИНЕ В 1920–1930-х гг. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ БИБЛИОПСИХОЛОГИИ Н. РУБАКИНА

doi 10.34920/2181-8207/2025/1-158

Виктор Соколов,
канд. ист. наук,
главный библиотекарь
Национальной
библиотеки Украины
имени Ярослава
Мудрого (г. Киев)

Аннотация: охарактеризованы сущность, основные положения и методологические принципы теории библиопсихологии Н. Рубакина; проанализированы место и значение ее в формировании читателеведения в Украине в 1920–1930-х гг., состояние изучения ее развития, особенности толкования теории библиопсихологии в современных библиотековедческих исследованиях; выяснены основные исторические факторы, повлиявшие на развитие идей библиопсихологии в исследованиях читателя, книги, чтения в Украине в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: история, библиотековедение, книговедение, библиопсихология, читателеведение, психология чтения, Украина, 1920–1930 гг., Н. А. Рубакин.

Annotation: characterizes the essence, basic provisions and methodological principles of the theory of bibliophysiology N. Rubakin; the place and significance of it in the formation of readership in Ukraine in the 1920-1930's were analyzed, the state of studying its development, the peculiarities of the interpretation of its content in the latest research on librarianship; The main historical factors that influenced the development of the ideas of bibliophysiology in the domestic studies of the reader, the book and the process of reading in the specified period were determined.

Key words: librarianship, terminology, book science, bibliophysiology, reading comprehension, reading psychology, Ukraine, 1920–1930, N. A. Rubakin.

Научное обоснование сущности взаимодействия читателя и книги, значение этого взаимодействия в эволюции библиотеки как социального института, осознание социального механизма «взаимоотношений» читателя и книги, исследование психологических особенностей процесса чтения были заложены в творческом наследии Н. А. Рубакина (1862–1946), в частности в его концепции библиопсихологии. На рубеже XIX–XX вв. возникновение психологии книги и читателя, как отдельного направления исследований, было обусловлено определенными социально-экономическими и культурными изменениями, процессами модернизации социальных отношений и общества в целом, которые были взаимосвязаны с развитием образования, науки, культуры и просвещения. Формирование в нач. XX в. библиопсихологии, как отдельной отрасли науки, было своеобразным ответом на вызов, который был связан с зарождением массовой книжно-письменной культуры. В целом, теория библиопсихологии формирует представление о библиотеке как об основном социальном институте образования и просвещения, о роли книги как инструменте общественного влияния, о чтении как механизме трансформации сознания человека. Впрочем, в силу определенных социально-политических и культурных факторов библиопсихология в 1920–1930-х гг. как отдельная отрасль науки не завершила своё формирование и не получила дальнейшего развития. Актуальность исследований библиопсихологии, выявление особенностей ее эволюции обусловлены не только определенной существующей неопределенностью ее научного статуса, объекта, предмета, многих теоретических и методологических положений, но и общими тенденциями информационно-библиотечной деятельности,

В целом, теория библиопсихологии формирует представление о библиотеке как об основном социальном институте образования и просвещения, о роли книги как инструменте общественного влияния, о чтении как механизме трансформации сознания человека

межотраслевым синтетическим характером исследований информационно-коммуникационных процессов, спецификой развития психосемантики, психологии чтения, а также своеобразием современных условий и факторов социально-психологического общения.

В Советском Союзе представители власти и марксистской психологии рассматривали психологию читателя, в основном, как средство идеологического воздействия, как один из источников знаний, который необходимо учитывать в работе с совершенствованием и повышением эффективности ряда отраслей профессиональной деятельности, тесно связанных с идеологическим воспитанием советских людей. Со второй половины 1930-х и до 1960-х гг. вследствие определенных политических и идеологических причин, теория библиопсихологии была вне официальной науки и большинство исследователей рассматривали ее как псевдонаучное направление психологии или книговедения. Например, еще в нач. 1970-х гг., проанализировав теорию библиопсихологии, В. Таловов пришел к выводу, что концепция Н. Рубакина сводится преимущественно к изучению психофизиологической сферы деятельности абстрактного индивида, кроме того, она не имеет четкого определения предмета, поэтому не может претендовать на научность [39, с. 38, 54, 55]. Таким образом, ликвидация библиопсихологии как отдельного направления научных исследований чувствовалась еще в течение долгого времени и отбрасывало на многие десятилетия изучение важного направления процессов психологии чтения, а также освещение кардинального периода развития отечественной истории книговедения и библиотековедения (1920–1930-х гг.). Тем не менее, на сегодняшний день библиография о творчестве и жизнедеятельности Н. Рубакина насчитывает сотни названий научных трудов, десятки из которых освещают вопросы развития библиопсихологии. С момента своего возникновения библиопсихология сразу же привлекла внимание многих исследователей из различных областей знаний и, в первую очередь, из библиотековедения и книговедения. В Украине вопросы библиопсихолгии в библиотековедческом аспекте активно исследовались в трудах Д. Балыки [1–11], Б. Боровича [13–15], А. Выяснивского [19], В. Иванушкина [26], Н. Фридьевой [42–52] и др. Изучение творческого вклада вышеозначенных учёных в развитие идей и принципов библиопсихологии является актуальным и еще недостаточно раскрытым направлением научных исследований.

Значительное количество исследований, посвященных вопросам развития библиопсихологии, было осуществлено российскими библиотековедами, в частности, В. Беспаловым, В. Бородиной, К. Воробьевой, А. Евтюхиной, А. Казанцевым, В. Кольцовым, А. Соколовым, Ю. Сорокиным, Ю. Столяровым и др. Кроме того, поскольку актуальность исследований, касающихся развития теоретических и научно-прикладных положений библиопсихологии, обусловлена определённой необходимостью решения задач по улучшению типологической модели читательской деятельности, где могли бы быть обобщены все ныне существующие концепции, на протяжении последних десятилетий было защищено несколько диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, тематика которых соприкасалась с объектом и задачами исследований библиопсихологии. Большинство из них освещали творческое наследие Н. Рубакина (например, диссертации В. Бородиной (2007), К. Воробьевой (1996), А. Евтюхиной (1998), А. Казанцевой (2006), Ю. Сорокина (1973) и др.). Ряд статей касаются проблем библиопсихологии в связи с освещением вопросов библиотечной классификации книг, работы с читателем; в связи с исследованием истории культуры, педагогики, образования и самообразования, развития психологии, лингвистики и др.

За последние 30 лет, вопросы библиопсихологии все чаще становятся предметом исследований украинских книговедов и библиотековедов, в частности общие вопросы теории библиологической психологии Н. Рубакина охарактеризовала Ж. Романченко [58], компаративный анализ концепций библиопсихологии и использование ее методологии в текстуальном анализе художественных произведений осуществила Н. Демчук [20–22]. Отдельные аспекты становления библиопсихологии и характеристика ее значения для развития читателеведения были освещены в работах Е. Лопаты, Т. Новальской и др. [29–30, 31]. Однако, многие вопросы развития библиопсихологии, в частности ее влияния на изучение психологии читателя и чтения и становление читателеведения в Украине, остаются еще недостаточно исследованными.

Целью предлагаемой статьи является характеристика сущности, основных положе-

Таким образом, ликвидация библиопсихологии как отдельного направления научных исследований чувствовалась еще в течение долгого времени и отбрасывало на многие десятилетия изучение важного направления процессов психологии чтения

Однако, многие вопросы развития библиопсихологии, в частности ее влияния на изучение психологии читателя и чтения и становление читателеведения в Украине, остаются еще недостаточно исследованными

ний и методологических принципов теории библиопсихологии Н. Рубакина, состояния изучения ее развития, места и значения в формировании украинского читателеведения, в исследованиях психологии читателя и чтения в Украине в 1920–1930-х гг., а также анализ особенностей интерпретаций содержания библиопсихологии в современных библиотековедческих исследованиях и освещения взаимосвязи между библиопсихологией и библиотечной психологией.

Библиопсихология (библиологическая психология) (от греч. biblion – книга, psyche – душа, logos – учение) – область психологии, которая была предложена в 1920-х гг. российским ученым-энциклопедистом, книговедом и библиографом Н.А. Рубакиным (1862–1946), который создал ее на основе междисциплинарного объединения исследований по книговедению, библиотековедению, психологии, биологии, физиологии, рефлексологии, лингвистики и других наук. Библиопсихология изучает психологические аспекты библиологии (комплексной науки о книге, содержание которой в 1920–1930-х гг. отождествлялось с философией книги, теорией книговедения) и психологические вопросы восприятия текста (слова, книги) с учетом личностного аспекта участников процесса «читатель↔текст↔автор». Суть теории библиопсихологии Н. Рубакин определял на основании наличия функциональной взаимосвязи между психикой читателя и книгой. В то же время, ученый рассматривал библиопсихологию как науку об изучении всех психических явлений, связанных с созданием, функционированием и использованием печатного, рукописного и устного слова, как психологию книжного дела и всех областей человеческой деятельности, имеющих дело с книгой в их взаимосвязи и функциональной зависимости. Именно поэтому Н. Рубакин дал два основных определения библиопсихологии: 1) как «психологии книжного дела в процессе ее эволюции и диссолюции, то есть развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды – места и времени» и 2) как науки о социальном психологическом воздействии [33, с. 40]. Ученый-энциклопедист отмечал, что библиопсихология – это «синтетическая наука, родовым признаком которой является психология, а видовым – книжное дело, объектом – поведение работников всех сфер того трудового процесса, который называют книжным делом и предусматривающим все процессы создания, распространения, циркуляции, утилизации всех ценностей печатного, рукописного и устного слова» [35, с. 26–38]. Итак, согласно теории библиопсихологии Н. Рубакина, объектами библиопсихологичного изучения в процессах книжного дела, которое рассматривается максимально широко, являются ее сотрудники и их психические типы; психические особенности их труда, его результаты и продукты, от качества которых зависит степень воздействия печатного, рукописного и устного слова на индивида и коллектив; социальная среда, которая обуславливает качественную и количественную стороны психологии книжного дела как трудового процесса [33, с. 47].

Библиопсихология (библиологическая психология) (от греч. biblion – книга, psyche – душа, logos – учение) – область психологии, которая была предложена в 1920-х гг. российским ученым-энциклопедистом, книговедом и библиографом Н.А. Рубакиным

Широта охвата научно-исследовательской проблематики библиопсихологии, кроме некоторых преимуществ и положительных аспектов, имеет определенные сложности в формировании методологических подходов, приводит к терминологической неопределенности и увеличивает количество дефиниций библиопсихологии, «размывает» границы ее объекта и предмета, затрудняет определение исторических истоков своего происхождения. Если толковать значение термина «библиопсихология» по этимологической признаку (с греч. βιβλίον (biblíon) – «книга», λόγος (logos) – слово, учение; ψυχή (psyché) – душа, дух) и понимать ее как «науку о психологических основах библиотечного дела», то исторические корни данной отрасли можно заглубить на несколько тысячелетий в прошлое. Можно утверждать, что основы библиопсихологии возникли тогда, когда впервые древнейший человек в простых символах зафиксировал информацию, а другой ее прочёл, поскольку на протяжении последующего времени психологический механизм восприятия текста концептуально не изменился и предполагает те же основные психические процессы. Примером одного из первых упоминаний о психологических аспектах чтения и книги может служить надпись над входом в книгохранилище Рамсеса II, которое было основано ок. 1300 до н.э. вблизи древней столицы Египта г. Фивы – «Аптека для души», свидетельствующая о том, что уже тогда человечество осознало взаимосвязь между читателем, его психикой и книгой и поняло механизмы этой взаимосвязи, воспринимая письменные документы как средство формирования и коррекции психического бытия личности [20, с. 140–141]. Можно также вспомнить клас-

Можно утверждать, что основы библиопсихологии возникли тогда, когда впервые древнейший человек в простых символах зафиксировал информацию, а другой ее прочёл, поскольку на протяжении последующего времени психологический механизм восприятия текста концептуально не изменился и предполагает те же основные психические процессы

сические древнегреческие библиографические труды рекомендательного характера, где формировался подход индивидуального отбора книг для конкретного читателя. Итак, в определенном смысле, историю книговедения, библиотековедения и библиографии можно рассматривать как путь к формированию библиопсихологии, становление которой, таким образом, происходило в течение многих веков. Неудивительно, что библиографический указатель по библиопсихологии, хранившийся в библиотеке Секции библиологической психологии в Лозанне, в нач. 1920-х гг.. имел более 30000 названий книг, брошюр и статей на разных языках, по которым несложно воспроизвести общую эволюцию идей библиопсихологии, начиная от Древнего Востока и до настоящего времени [34, с. 50].

На территории Киевской Руси первый опыт отображения психологического знания о чтении находим в статье Изборника «Слово о чтении книг» (XI в.), где уже осознавались проблемы мотивации и методик чтения в контексте понимания текста, о чем свидетельствует совет не пытаться быстро считывать текст, а понимать о чем «говорят» книги, что в них написано, даже если для этого понадобится три раза перечитывать одно и то же. Вопрос влияния художественного текста на личность активно начали исследовать как иностранные, так и отечественные ученые в кон. XVIII – нач. XIX в. В частности, немецкий философ и языковед Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) исследовал проблемы субъективности восприятия текста (слова). Ученый доказывал, что никто не воспринимает слова абсолютно в одном и том же смысле. Поэтому, по его мнению, не может быть полного взаимопонимания между людьми. Подобных взглядов придерживался известный украинский и российский филолог, сторонник идей В. фон Гумбольдта Александр Потебня (1835–1891), который считал, что никто не понимает слова одинаково, так же, как и другой.

Во второй пол. XIX – в нач. XX в. активно изучались психологические и психофизиологические основы процесса чтения с привлечением новейших на то время экспериментальных психологических исследований. С этого времени началось научная обработка и анализ отдельных вопросов библиологической психологии и формирование некоторых ее положений. В это время проблемы литературно-художественного чтения, художественного творчества и его влияния на читателей активно разрабатывались в академических школах: культурно-исторической (или социологической) и психологической. Фактически, на рубеже XIX–XX вв. зарождалась социология и психология чтения. С этого периода в течение последующих десятилетий библиопсихология формировалась как отдельная отрасль науки, каждый этап становления которой имел специфические признаки, которые отражали основные черты социально-политической, культурно-образовательной и научной жизни общества, а также внутренние механизмы развития данной научной дисциплины. Проблематика библиопсихологии распространяется далеко за пределы библиотековедения и книговедения и остается до сих пор еще недостаточно оцененной ни библиотековедами, ни учеными других отраслей знаний. В целом, на протяжении своей эволюции библиопсихология прошла ряд сложных этапов своего развития, формирование которых было обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. Итак, можно выделить следующие периоды ее развития:

1-й период: конец XIX – нач. XX в. – период накопления и анализа отдельных эмпирических данных и формирование отдельных положений библиологической психологии;

2-й: 1916–1929-й гг. (с открытия Секции библиопсихологии в Женевском педагогическом институте Руссо (1916) до публикации «Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию» (М., 1929)) – период становления и формирования теории, методологии и основных принципов библиопсихологии, в течении которого библиопсихология, несмотря на ряд существенных критических замечаний, была признана отдельной самостоятельной отраслью науки; ▶

Проблематика библиопсихологии распространяется далеко за пределы библиотековедения и книговедения и остается до сих пор еще недостаточно оцененной ни библиотековедами, ни учеными других отраслей знаний

3-й период: 1929 – пер. пол. 1930-х гг. – период тенденциозной уничтожающей критики библиопсихологии в Советском Союзе и постепенное устранение ее из научного оборота;

4-й: вторая пол. 1930-х гг. – 1950-е гг. – период замалчивания и игнорирования библиопсихологии;

5-й: 1960-е – 1980-е гг. – постепенное возрождение проблематики библиопсихологии в советской науке; переосмысление и признание «рационального зерна» идей и принципов библиопсихологии;

6-й 1990-е гг. и до настоящего времени – период актуализации и дальнейшего развития методологии исследований и задач библиопсихологии; формирование новых тенденций ее развития в направлении преобразования библиопсихологии в метанауку.

Наиболее существенными для формирования библиопсихологии были периоды становления и развития данной отрасли науки в 1920-х – первой пол. 1930-х гг., когда Н. Рубакин обосновывал взгляд на текст как на продукт конкретно-исторической и индивидуально-психологической среды (ситуации), который также зависит от позиции читателя, воспринимающего и интерпретирующего данный текст в зависимости от его ума, характера, темперамента, настроения и от других психологических свойств. Н. Рубакин таким образом выделял основную мысль своего главного труда: «Мы знаем не книги и не чужие высказывания, и не их содержание, – мы знаем наши собственные проекции их и только тот смысл, который в них мы сами вкладываем, а не тот, который вложил автор или оратор» [34, с. 83]. По мнению ученого, смысл текста (книги) является не только результатом коммуникации между автором и читателем, но и результатом воспроизведения читателем содержания творческого труда автора. Одним из основных положений Н. Рубакина было то, что в каждой книге столько смыслов более или менее различных, сколько у нее есть читателей, а в тексте (книге) читателем воспринимается лишь то, что возбуждается в нем словом [36, с. 44–46]. Ученый считал, что каждый читатель знает только свои образы, ощущения, идеи, настроения и т.д., которые возбуждает и формирует в нем книга (текст, слово). Н. Рубакин писал, что мы принимаем за содержание книги и за образ автора не что иное, как определенную комбинацию наших собственных переживаний, которые были возбуждены в нас словами данной книги, отсюда – читатель становится соавтором книги, которая становится для него отражением его переживаний и размышлений [36, с. 48–49]. Не случайно, что в библиотечной работе Н. Рубакин настаивал на доминанте именно читателя, утверждая, что ее суть и смысл заключается не в работе с книгой и даже не в ее содержании, а именно в работе с читателями, поэтому библиотекарям нужно быть прежде всего психологами (библиопсихологами) и только потом библиографами, книговедами и др. [36, с. 56–57]. Несложно увидеть, что в формулировке указанных выводов значительное влияние на Н. Рубакина оказали идеи философов субъективного идеализма (Дж. Беркли, Д. Юма, И. Канта, Э. Маха и др.). Следует отметить, что сам Н. Рубакин утверждал, что он материалист. О материалистическом характере библиопсихологии в 1920-х гг.. писали Б. Борович, Я. Ривлин и некоторые другие учёные. Однако, большинство книговедов и библиотековедов придерживались противоположного мнения. Так, например, по мнению Я. Шафира, библиопсихология не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни с материализмом и практическое значение этой теории равна нулю [55, с. 9]. Конечно, каждая теория имеет свои недостатки, которых не была лишена и библиопсихология Н. Рубакина. Слабые в теоретическом аспекте ее стороны почти сразу оказались под критикой ведущих ученых разных отраслей науки. Однако, следует отметить, что в 1920-х гг. происходило преимущественно объективное обсуждение научных проблем и вопросов указанной теории, беспристрастная, научная, творческая критика отдельных ее принципов и положений. Теорию библиопсихологии критиковал М. Куфаев в «Проблемах философии книги» (Л., 1924), на определенную шаткость выводов указывал А. Ловягин в «Основах книговедения» (Л., 1925), за эклектику и субъективизм Н. Рубакина критиковали многие другие книговеды и библиотековеды. Например, в сер. 1920-х гг.. российский библиотековед Я. Шафир, полемизируя с Н. Рубакиным и подчеркивая социальную природу чтения и ее доминирование над индивидуальным опытом, определял чтение как процесс приобщения через письменные источники к коллективной практике в том случае, когда собственного знания становится недостаточно [55, с. 9]. По его утверждению, мотивация чтения всегда социально обусловлена. Я.

Н. Рубакин таким образом выделял основную мысль своего главного труда: «Мы знаем не книги и не чужие высказывания, и не их содержание, – мы знаем наши собственные проекции их и только тот смысл, который в них мы сами вкладываем, а не тот, который вложил автор или оратор»

Однако, следует отметить, что в 1920-х гг. происходило преимущественно объективное обсуждение научных проблем и вопросов указанной теории, беспристрастная, научная, творческая критика отдельных ее принципов и положений

Шафир обращал внимание на различие между читательским интересом и читательским спросом, отмечая, что констатация факта чтения того или иного автора или произведения не дает понимания читательского интереса. Освещение читательского интереса требует, по его мнению, выявления реакции читателя на книгу, анализа связи структуры его психики с особенностями биологической конституции, классовой принадлежности, социально-культурными условиями жизни. По мнению российского библиотековеда С. Вальдгарда, в основе читательских интересов, как особой формы стремления и познавательной направленности, имеет место ориентировочный рефлекс. С Вальдгард рассматривал развитие читательских интересов в соответствии с этапами читательской деятельности и отмечал о важной роли внушения, социальных стереотипов и моды в формировании читательских интересов и книжных предпочтений [16]. Главной ошибкой Н. Рубакина, по мнению С. Вальдгарда, является его индивидуалистическое понимание чтения, недооценка им социальной природы книжного процесса [16, с. 48]. Однако, и Я. Шафир, и С. Вальдгард, и большинство других ученых отдавали должное результатам колоссальной научно-исследовательской работы, которая была осуществлена Н. Рубакиным.

В 1920-х гг. авторитет Н. Рубакина в советском библиотековедении был достаточно высок, и разрушить его, при тогдашних исторических, социокультурных и политических условиях, было чрезвычайно трудно. С позиций либерального народничества Н. Рубакин построил «воспитательную теорию чтения», которая в период нэпа поддерживалась советской властью. В дальнейшем основные положения, выводы и методы теории библиопсихологии были совершенно непригодны в качестве средства формирования советского массового читателя, поскольку были слишком психологизированы и индивидуализированы и опирались на идею самостоятельной, индивидуальной интерпретации текста, что не соответствовало задачам «массовой» концепции чтения [23, с. 194–195]. Конечно, идея всеобъемлющей комплексной надклассовой научной концепции, которую предлагала библиопсихология, не могла быть a priori принята советским руководством, интерпретирующее ее в ракурсе прагматической психологии, которую можно было использовать при работе с читателем в библиотеке, а саму библиотеку рассматривало как институт рационализации и концептуализации мировоззрения читателя. В 1930-х гг.. постепенно происходило сворачивание дискуссий о психологии читателя и чтения в научной плоскости и перевод их в область обсуждения библиотечной практики. Впрочем, даже в течении 1920-х гг. теория библиопсихологии Н. Рубакина советским руководством воспринималась только как проект. В концепции Н. Рубакина руководителями библиотечного дела были заимствовані принцип самообразования, идея изучения и формирования личности читателя с помощью книги, а также положение о просветительской роли библиотеки как социокультурного центра. Все другие положения библиопсихологии преимущественно оставались за рамками библиотечной науки и практики [27, с. 98–99].

С Вальдгард рассматривал развитие читательских интересов в соответствии с этапами читательской деятельности и отмечал о важной роли внушения, социальных стереотипов и моды в формировании читательских интересов и книжных предпочтений

В конце 1920-х гг. изменяется уровень развития библиотечной науки – с описательной стадии библиотековедение (так же, как и книговедение) постепенно начало переходить в теоретико-методологическую стадию своего развития. К сожалению, постепенное развитие данной отрасли науки было остановлен общими социально-культурными и политическими изменениями в стране и началом политических репрессий. Декларируемый с сер. 1920-х гг. принцип перестройки советской науки на основе марксистской методологии, политизация науки и внедрение определенных идеологических догм в конечном итоге деформировали развитие библиотековедения, в том числе и библиопсихологии. На рубеже 1920–1930-х гг. исследования по психологии чтения имели, в основном, чисто практический характер. Все чаще происходило сдерживание дискуссий по методологии библиопсихологии, а вопросы психологии чтения и читателя переориентировались с научно-теоретической плоскости в направлении библиотечной прагматики. Постепенно под влиянием коммунистической идеологии происходила деформация теории библиопсихологии с преобразованием ее в библиотечную психологию, которая имела более узкий предмет исследований и решала преимущественно сугубо практические задачи библиотечного дела. Конечно, в течении 1930-х гг. в библиотековедении проводились определённые исследования по читательской психологии, однако, они уже потеряли много положительных черт научно-исследовательской деятельности (НИД), которые были приобретены в прошлом десятилетии,

Исследователи библиопсихологии, в основном, акцентируя внимание на изучении психологии библиотечного работника, читателя, чтения, книги, психологии библиотечного влияния, технических средств, опирались, прежде всего, на воспитательную роль книги, и, соответственно, защищали идеологическую функцию библиотеки

в частности – это разветвленность социальных подходов, философская глубина анализа, стремление к объективному раскрытию полученных материалов, что объясняется узостью поставленных задач исследований, идеологическими ограничениями и т.п. Исследователи библиопсихологии, в основном, акцентируя внимание на изучении психологии библиотечного работника, читателя, чтения, книги, психологии библиотечного влияния, технических средств, опирались, прежде всего, на воспитательную роль книги, и, соответственно, защищали идеологическую функцию библиотеки. В данный период библиотековедение, фактически, так и не вышло из рамок повседневной практики, которая налагала строгие «идеологические границы» любым исследованиям. Изучение психологии чтения рассматривалось в этих условиях как средство оптимизации процесса руководства чтением в библиотеках. Прикладной характер изучения чтения и читателей стал доминирующим с тех пор на многие десятки лет. К тому же, к концу 1930-х гг. подавляющее количество отделов и лабораторий, занятых изучением психологических аспектов чтения, было ликвидировано. В результате, изучение читательской психологии практически прекратилось.

С годами с изменением политических установок, социально-культурных условий, взгляды Н. Рубакина все больше расходились с советской теорией руководства чтением, главный тезис которой опирался на возможность и необходимость влияния книги на формирование советского человека

С 1930-х гг. все теории и направления исследований библиотековедения, которые не основывались на принципах марксистской методологии в ее догматически схоластической интерпретации было объявлено ненаучными. Как правило, указанные теории и направления исследований обвиняли в «махровом» идеализме, эклектизме, эмпиризме, механицизме и прочих «измах». Подобные выводы, некритически воспринятые в последующие периоды, привели к тому, что долгие годы существовало представление о том, что все теоретические наработки в области библиотековедения и книговедения 1920-х гг. были буржуазные, следовательно – ложные и ненаучные (по отношению к украинскому библиотековедению – ещё и националистические) и находились исключительно на эмпирической стадии развития. В библиотековедческой периодике в данный период появились публикации П. Гурова, Я. Шафира, Л. Шифмана и других исследователей, которые признавали теорию библиопсихологии глубоко ошибочной, и даже вредной. За научную неразборчивость Н. Рубакина обвиняли в эклектизме, субъективизме, идеализме и п.д. Ему в вину ставили научные заблуждения о субъективности восприятия текста, резко критиковали его за вывод «сколько у книги читателей, столько в ней и смыслов», за невозможность адекватного восприятия читателем мыслей и переживаний автора и др. С годами с изменением политических установок, социально-культурных условий, взгляды Н. Рубакина все больше расходились с советской теорией руководства чтением, главный тезис которой опирался на возможность и необходимость влияния книги на формирование советского человека. Так, например, Л. Шифман в своей «критической» статье «Что такое «рубакинщина?»: библиопсихология как буржуазная теория чтения и работы с читателем» (1932) писал, что любые попытки Н. Рубакина и его учеников положить в основу индивидуализированного подхода к читателю психофизиологические особенности организма нужно рассматривать как защиту буржуазной теории чтения. «Библиопсихология – это субъективно-идеалистическая теория библиотечной работы, даже не пытающаяся подделаться под марксизм. ... Рубакинщина – смертельный враг марксистско-ленинского мировоззрения. Она должна быть разоблачена до конца» [57, с. 23].

Дискуссии о развитии библиотечного дела 1930–1932 гг. стремительно превращались в шельмование теоретических наработок предыдущего периода, предвзятую критику и в очищение не только теоретической

мысли, но и библиотечных фондов и кадров «от враждебного буржуазного элемента». Прежде всего, данные дискуссии были направлены против руководителей библиотечного дела 1920-х гг., которые были представителями дореволюционной интеллигенции и которые пытались служить новой власти, имея убеждение, что служат народу. Противниками «генеральной партийной линии» теперь стали Б. Борович, В. Невский, А. Покровский, Н. Рубакин, М. Щелкунов, Л. Хавкина и другие деятели, которых обвиняли в приверженности к «буржуазным» механицизму, дуализму, эмпиризму, субъективному идеализму и т.п. Библиопсихология Н. Рубакина, так же как и библиотечная психология в трактовке В. Невского, несмотря на то, что Н. Рубакин выступал против теоретических положений В. Невского, в ходе дискуссий разделили одну и ту же судьбу – полный разгром и остракизм со стороны власти и академической науки. Библиотека и книга уже не в теории, а в действительности все больше становились орудием классовой борьбы, которая усилилась с назначением в 1929 г. А. Бубнова (был креатурой Сталина), на должность Наркома просвещения РСФСР.

В пер. пол. 1930-х гг. библиопсихология развивалась преимущественно в рамках развития психотехники (или прикладной рефлексологии), в рамках которой исследовались психология библиотечного работника, психология библиотечного труда, специфика библиотечного влияния и пропаганды (или психология библиотечной рекламы). В советском библиотековедении в данный период была создана модель «идеального читателя» в виде идеологически «однородной массы», лояльной к идеям коммунизма. С этого времени потребность в научно-теоретическом обосновании процесса чтения отпала сама собой. Теория библиопсихологии, после периода уничтожающей критики, исчезает из научного горизонта. После ее упадка в сер. 1930-х гг. на пересечении библиотековедения, психологии труда библиотечных сотрудников и педагогической психологии все большее развитие получала библиотечная психология, основы которой были заложены также Н. Рубакиным, под которой в дальнейшем стали понимать библиопсихологию (как сокращённый вариант словосочетания «библиотечная психология»).

В Украине в 1920-х – пер. пол. 1930-х гг. теоретическая мысль и прагматичные методики библиопсихологии развивались в направлении исследований психологических механизмов и процессов чтения; изучении специфики и развития читательских потребностей, интересов и способностей; в направлении анализа психологических аспектов структуры текста и т.п. Теоретические и практические проблемы изучения читателей были объектом исследований в трудах А. Выяснивского, К. Довганя, В. Иванушкина, Я. Керекеза, Л. Когана, Ю. Меженко и др. Собрали и проанализировали большой объем эмпирического материала и основали в 1920-х гг. читателеведческое направление исследований Д. Балыка, Б. Борович, Н. Фридьева. В целом, украинские библиотековеды 1920-х гг. в своих исследованиях не только обрабатывали и анализировали эмпирический материал, но и делали первые попытки его обобщения, свидетельствующие о том, что отдельные отрасли библиотечной науки вышли на уровень синтетического этапа формирования научных знаний, для которого становится характерным теоретическая осознанность и системность изучаемого материала. Таким образом, украинское библиотековедение переживало этап своего становления и формирования как отдельной отрасли науки. Главными направлениями его развития были изучение читателей и процессов чтения.

Прежде всего, данные дискуссии были направлены против руководителей библиотечного дела 1920-х гг., которые были представителями дореволюционной интеллигенции и которые пытались служить новой власти, имея убеждение, что служат народу

В пер. пол. 1920-х гг. определенный научный вклад в развитие методологии исследований психологических аспектов изучения читателей и процессов чтения сделала украинский и российский библиотековед и библиограф Любовь Хавкина (1871–1949), которая считала, что в библиотековедении необходимо применять разнообразные средства научных экспериментов в зависимости от вопросов, которые рассматриваются. Особое внимание она обращала на экспериментально-лабораторный, психологический, психотехнический и сравнительный методы. В статье «Обследование района с целью характеристики читательской среды» (1924) исследовательницей применен историко-психологический подход к изучению различных категорий (групп) местного населения. Л. Хавкина отмечала, что библиотека не может работать успешно, если не исследованы самым тщательным образом население, которое ею обслуживается (ремесла, быт, экономическое положение, интересы, развлечения и пр.) [53, с. 148].

В статье «Обследование района с целью характеристики читательской среды» (1924) исследовательницей применен историко-психологический подход к изучению различных категорий (групп) местного населения

Подавляющее большинство библиотечных теорий и теоретических положений 1920-х

гг. в обосновании Б. Боровича, Д. Балыки, В. Иванушкина, Н. Фридьевой и других украинских библиотековедов развивали и распространяли прагматическую социально-педагогическую концепцию о роли библиотек и книг как орудии воспитания масс. Неслучайно, идеи библиопсихологии в концепциях данных исследователей постепенно превращались в теорию библиопедагогики (Д. Балыка, В. Иванушкин) или в теорию библиосоциологии (Д. Балыка, П. Гуров, М. Куфаев, Я. Ривлин и др. Хотя термин «библиологическая социология» ввел в научный оборот также Н. Рубакин для обозначения созданной им отрасли научного знания о социальных функциях книги, книгоиздания, книгораспространения и книгочтения). Принцип понимания деятельности и задач библиотеки как формирования условий для воспитания масс распространялся в отечественном библиотечном деле с первых лет установления советской власти. Понимание значения и содержания социальных функций библиотеки значительно расширялось. По мнению украинского книговеда, библиотековеда и библиографа, который был в 1920–1931 гг. заведующим консультационно-библиографического отдела Харьковской государственной библиотеки имени В. Г. Короленко (с 1930 г. – Харьковская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко) Б. Боровича (Финкельштейна) (1883–1938), «библиотека должна стать культурно-общественным центром, должна превратиться в очаг общественности, стать любимым местом отдыха и культурного общения, она должна превратиться в библиотеку-клуб. Если библиотека не сумела занять такое место, если она не развила широкой образовательной и культурной работы, она обречена на серое существование» [14, с. 7]. Чтобы библиотека превратилась в культурно-просветительский центр, писал Б. Борович, «необходимо четко учитывать психологию широкой общественности, а во всех своих начинаниях нужно исходить из того, что свойственно и близко этой массе, что ей понятно, что соответствует ее развитию, вкусам, ее бытовым особенностям» [14, с. 8]. В частности, изучая читательские интересы в сер. 1920-х гг. он отмечал, что изучение читательских запросов не может использоваться как надежный показатель читательских интересов потому, что в них отражается только реальная книговыдача без учета запросов на недостающую в фондах библиотеки литературу [15 , с. 97].

Термин «библиологическая социология» ввел в научный оборот также Н. Рубакин для обозначения созданной им отрасли научного знания о социальных функциях книги, книгоиздания, книгораспространения и книгочтения)

Библиотека должна стать культурно-общественным центром, должна превратиться в очаг общественности, стать любимым местом отдыха и культурного общения, она должна превратиться в библиотеку-клуб. Если библиотека не сумела занять такое место, если она не развила широкой образовательной и культурной работы, она обречена на серое существование

Библиотековед подчёркивал, что библиотека должна формировать не любые, а определенные эмоции и подталкивать не к какому-нибудь, а к определенным поступкам [15, с. 71–72.]. Ещё в начале 1920-х гг. Б. Борович утверждал, что для изучения отдельного читателя надо знать социально-экономическое положение класса, к которому принадлежит индивид или группа людей, его место в производстве, надо изучить окружающую социальную среду и ее влияние на психику людей, на которую, в свою очередь, значительное влияние оказывают профессиональные, экономические и культурные факторы. По мнению учёного, следует классифицировать читателей сначала по основным признакам (класс, возраст, психические особенности) и дифференцировать книги по группам читателей, а уже потом делать поправки на особенности индивидуального читателя [13, с. 28–29]. Б. Борович отмечал также, что библиотека не должна равнодушно следовать за вкусами читателей, наоборот, приспосабливаясь, она должна читателя поднимать и двигать вперед [14, с. 8]. Учёный настаивал на всестороннем исследовании книги, которое должно осуществляться параллельно изучению читателей, читательских групп, на использовании различных методов исследования читателя, в том числе – методов библиопсихологии Н. Рубакина, за что в нач. 1930-х гг. Б. Боровича неоднократно критиковали в профессиональной периодике [56, с. 22–24]. Таким образом, с одной стороны культ книги вытеснялся культом читателя, а с другой – читатель сам по себе терял абсолютную ценность и превращался в объект воздействия, а библиотека все больше трансформировалась в идеологическое, образовательное и воспитательное учреждение. Между тем, еще в нач. 1920-х гг. Б. Борович предлагал различать «партийное образование» и «культурно-просветительную работу», утверждая, что образование, которое ведется партией для своих членов, может быть партийной; партия может и должна проводить свою линию и в работе с беспартийной массой, но широкая просветительская работа, которая ведется для поднятия общего культурного уровня населения, – работа как общественных, так и государственных учреждений, – может и должна быть только внепартийной [14, с. 42]. В то же время учёный отмечал, что рабочим и крестьянам необходимо дать широкое политическое просвещение, которое должно помочь труженикам лучше устроить

свою жизнь, должно научить их бороться за светлые идеалы будущего и должно защищать интересы труда и работающих. Отсюда, управляя чтением, библиотекарь должен исходить из этой общей линии работы, должен составлять и соответствующие списки литературы, давать определенные указания и справки. Только тогда библиотека со всеми своими начинаниями становится рабочей лабораторией, где «куются сознательные граждане», где «перерабатывается один материал на другой». В этом деле книга должна способствовать формированию определенной личности, отсюда личность автора и его идеи не могут быть в стороне от политики, защищающей интересы труда [14, с. 50–51, 57].

Большинство из указанных идей полностью согласовывались с положениями и принципами, которые предлагала теория библиопсихологии Н. Рубакина, вызвавшая в середине 1920-х гг. острые теоретические дискуссии между представителями различных отраслей науки (преимущественно – книговедения, библиотековедения, психологии и педагогики). В трудах украинских ученых (Д. Балыки, В. Иванушкина, Ю. Меженко, Н. Сагарди, Н. Фридьевой, М. Ясинского и др.) рассматривались как общие теоретические проблемы (вопросы библиотековедческой терминологии, типологии библиотек, классификации печатных изданий, классификации читателей), так и методы изучения читателя и чтения [29, с. 25]. В указанное время в отечественной библиотечной науке постепенно происходил переход от простого рассмотрения, описания и анализа читательских интересов различных групп к формированию целостного подхода в изучении читательского процесса и читателя. О важности систематического изучения читателя и книги для формирования процесса руководства чтением отмечалось на Первом всеукраинском съезде библиотечных работников, который проходил с 1 по 6 июня 1926 г. в г. Харькове. Следует отметить, что методы библиотековедческих исследований разрабатывались преимущественно в направлении изучения читателей, поскольку это направление НИД в украинском библиотековедении было более разработано, чем другие, что обусловило его влияние на развитие и освоение других методов библиотековедческих исследований. Однако, отсутствие в 1920-х гг. единого взгляда на объект и предмет библиотековедения приводило к тому, что, разрабатывая методику библиотековедческих исследований, разные авторы хоть и выдвигали различные методы, чаще всего признавали приоритет какого-либо одного из них.

В 1920-х гг. значительное количество исследований по изучению читателей осуществлялось во Всенародной библиотеке Украины (ВБУ; ныне – Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского (НБУВ)) и в Украинском научно-исследовательском институте книговедения (УНИК – работал в 1922–1936 гг.). До 1931 г. директором УНИКа был Ю. Меженко (1892–1969), который активно поощрял ученых к разработке наиболее важных теоретических вопросов, что в определенной степени определяло стратегию НИД различных типов и видов библиотек. Сотрудники УНИКа разработали методологию и определили направления библиотековедческих исследований, при этом основное внимание акцентировали на специальных методах изучения читательской аудитории, читательских интересов и чтения как социального явления. Были заложены основы теоретических разработок типологии читателей и читательских групп, научной терминологии как общего, так и специального библиотековедения, в частности, было дано определение таким понятиям, как «читатель», «читательский интерес», «читательские потребности» и др. Сотрудники УНИКа впервые ввели в научный оборот термин «читачівство» («читателеведение»). Ученые УНИК (В. Иванушкин, Д. Балыка, С. Маслов, Ю. Меженко, П. Попов, А. Козаченко, К. Довгань, Н. Биркина и др.), в отличие от большинства библиотековедов и книговедов России, изучали книгу, читателя и процесс чтения комплексно, в определённой взаимосвязи и акцентировали исследования во взаимодействии «книга-читатель» на читателе [22, с. 174].

Важным центром в формировании теоретико-методологических основ изучения читателей в Украине был Кабинет изучения книги и читателя при УНИК (секция социологии книги УНИК), существовавший в 1926–1936 гг. (с 1929 г. назывался Кабинет читателеведения и активно работал до 1931 г.), директором которого был сначала В. Иванушкин, а в 1927–1930 гг. – Д. Балыка. Основные теоретические направления, которые планировали исследовать сотрудники Кабинета, были: психология книжного влияния в целом; содержание книги с точки зрения библиопсихологии; психология восприятия литературного произведения; библиопсихологи-

Были заложены основы теоретических разработок типологии читателей и читательских групп, научной терминологии как общего, так и специального библиотековедения, в частности, было дано определение таким понятиям, как «читатель», «читательский интерес», «читательские потребности»

ческая теория М. Рубакина и марксистская психология; методика самообразования в свете библиопсихологии и др. [24, с. 83]. Управляющий делами Кабинета В. Иванушкин (1903–1937), первым в украинском библиотековедении, предложил определение читателя как социологического субъекта, разрабатывал вопросы формирования процесса чтения и усвоения содержания книги, определил объектом исследования комплекс «книга-читатель» как некую комбинацию социальных явлений, привлек к работе на добровольных началах сотрудников библиотек всех видов, таким образом, организовав сеть библиотечных корреспондентов (бибкоров) [40, с. 13]. В 1926 г. была опубликована работа В. Иванушкина «Проблеми читачівства та її вивчення (Форми організації та методи роботи Кабінету вивчення книжки та читача при УНДІК)» («Проблемы читателеведения и их изучение (Формы организации и методы работы Кабинета изучения книги и читателя при УНДИК)» (К., 1926), в которой были сформированы основные направления деятельности Кабинета, его структура и задачи, а также намечена комплексная программа исследований «Книга-читатель», разработка которой способствовала бы развитию методики изучения читателей. В. Иванушкин предложил изучать читателя индивидуально, а не только группы пользователей, которые в основном исследовались в тогдашней практической деятельности библиотек; обосновал динамичность, подвижность читательской психики; определил формулу рационального чтения. Ученый также в 1926 г. предложил термин «библиологическая педагогика», который в дальнейшем теоретически обосновал Д. Балыка. В указанной работе В. Иванушкин решительно выступал против принципиального обоснования теории библиопсихологии, считая ее идеалистической, а потому и ошибочной. Вместе с тем, учёный отмечал, что данная теория имеет определенные положительные выводы и положения, несмотря на ее субъективистский, даже солипсический характер, поскольку изучение индивидуальных характеристик читателя имеет определенные перспективы. В. Иванушкин указывал, что следует дополнить характеристики индивидуальной психологии анализом общественного окружения отдельной личности, социальных (классовых, групповых), экономических, природных условий жизни [26, с. 5–7]. В противоположность Н. Рубакину, В. Иванушкин считал, что содержание книги активно, а не пассивно влияет на психику читателя, вызывая у него определенные реакции. Между психикой читателя и содержанием книги возможно установить полную зависимость [26, с. 17]. Если Н. Рубакин при исследовании книги советовал делать поправку на читателя, В. Иванушкин считал нужным рекомендовать противоположное – в анализе реакции психики читателя при чтении делать поправку, опираясь на изучение содержания книги. Ученый отмечал, что нельзя говорить о существовании читателя без книги, так же как нельзя представить себе социальной роли книги без читателя как объекта воздействия книги, где под читателем В. Иванушкин понимал социологического субъекта, который находится в определенном «конфликте» с содержанием и формой книги [26, с. 19].

По мнению В. Иванушкина, читатель не является однородным и инертным, его психика представляет собой динамичное явление, которое зависит от идеологии, социальных изменений и состояния развития производительных сил общества. Изучение читателя, как отмечал ученый, не должно заканчиваться установлением определенной константы психики читателя, как это делает Н. Рубакин. В. Иванушкин настаивал на том, что изучение читателя должно стать начальным этапом «воспитания и перевоспитания читателя в направлении материалистического мировоззрения и марксистского понимания общественных явлений». «То есть, – писал учёный, – мы отрицаем пассивный по содержанию характер библиотечной работы, этот принцип лежит в основе логических строений библиологической психологии, и выдвигаем принцип активизации содержания библиотечной работы» [26, с. 21]. Дифференциацию читателей ученый предлагал исследовать с помощью одновременного анализа статических (физиологические, психологические черты субъекта) и динамических признаков читателя. Статические признаки также изменяются, но более медленно, чем динамические. Они образуют общую «структурную основу» читателя. Динамическими признаками читателя являются: классовая принадлежность, интеллектуальное развитие, специальность, характер труда, опыт чтения, лексический запас читателя, особенности формирования мировоззрения и влияния общественной идеологии, временные нарушения физиологической и психической нормы, а также случайные яв-

В. Иванушкин предложил изучать читателя индивидуально, а не только группы пользователей, которые в основном исследовались в тогдашней практической деятельности библиотек; обосновал динамичность, подвижность читательской психики; определил формулу рационального чтения

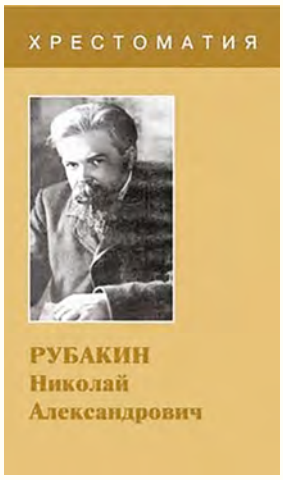
Н. Рубакин при исследовании книги советовал делать поправку на читателя, В. Иванушкин считал нужным рекомендовать противоположное – в анализе реакции психики читателя при чтении делать поправку, опираясь на изучение содержания книги

ления, влияющие на интеллект читателя. В. Иванушкин неоднократно подчеркивал, что при изучении читателя индивидуализация исследования должна базироваться на почве признания приоритета социальных условий в формировании психики человека, что будет способствовать устранению идеалистического характера библиопсихологии Н. Рубакина. Именно такой подход будет целесообразным и дающим возможность воспользоваться опытом изучения читателя исследователями и сторонниками библиологической психологии. При этом, выдвижение на передний план индивидуализации исследования не будет мешать необходимости группового изучения читателей. В. Иванушкин отмечал, что хотя тогдашнее «изучение группового читателя есть суррогатом настоящего научного изучения читателя ..., изучение индивидуального читателя, при условии соблюдения упомянутой выше «поправки», не отрицает принципиальные положения марксистской психологии» [26, с. 25]. Таким образом, изучение индивидуального читателя должно предшествовать работе по определению и установлению определенных групп читателей. Ошибочность и идеалистический характер библиопсихологии Н. Рубакина заключается, по мнению В. Иванушкина, в том, что она останавливается на индивидуальной характеристике читателя, которая на самом деле является лишь начальным этапом исследования. На втором этапе должна происходить типизация читателей по отдельным признакам и исследование значения этих признаков в процессе усвоения содержания книги. Третий этап – классификация читателей по группам, по совокупности наиболее важных признаков. Такая классификация будет представлять собой методологическую основу библиотечной деятельности и работы с книгой в целом. Таким образом, В. Иванушкин, так же как и Н. Рубакин, предлагал изучать читателя индивидуально, но в сочетании с исследованиями особенностей читательских групп, которые были в центре внимания практической работы библиотек того времени. Ученый также обосновывал динамичность, подвижность читательской психики и определял формулу рационального чтения. С целью научного изучения читателя и чтения В. Иванушкин разработал «формулу процесса чтения и усвоения книги», которая устанавливала соотношение между статическими признаками читателя (состояние здоровья, темперамент, наследственность, природные способности, система воспитания в детстве и др.); динамическими признаками (классовая принадлежность, профессия, опыт чтения, лексический запас, влияние идеологии, интеллектуальное развитие и др.); свойствами книги как объекта потребления и коэффициентом усвоения книги читателем и влияния книги на читателя [26, с. 21]. Результатом сложного процесса установления зависимости коэффициента усвоения книги и психологическими особенностями читателя должна была стать психограмма для классификации читателей по группам, по совокупности наиболее важных признаков и создание на этой основе методологических основ библиотечной работы. В. Иванушкин предлагал сформировать изучение читателей следующим образом: сначала проводить исследования индивидуального читателя как подготовительный этап с целью накопления материала для обобщения; затем – осуществление типизации читателей по отдельным признакам и исследование роли этих признаков в процессе усвоения книги; наконец – установление теоретических выводов, которые могли бы быть взяты за основу для практического использования [26, с. 27–28]. Однако, отсутствие наработанных методик индексации статических и динамических признаков, сложность определения психических особенностей каждого читателя делали невозможным практическое использование предложенной формулы для изучения читателя в библиотеках [41, с. 141].

В. Иванушкин неоднократно подчеркивал, что при изучении читателя индивидуализация исследования должна базироваться на почве признания приоритета социальных условий в формировании психики человека, что будет способствовать устранению идеалистического характера библиопсихологии Н. Рубакина

Психологией читателя в 1920-х гг. занимались не только узкие специалисты-психологи, библиотековеды и книговеды, но и социологи, филологи, исследователи книжного дела и др. Исследования библиотековедов и книговедов преимущественно имели эмпирический характер, поэтому при изучении читателей и чтения в период 1920-х гг. накопилось много полезного, но не обобщенного, фактического материала. Как отмечали некоторые украинские библиотековеды, в частности Н. Фридьева и Д. Балыка, было собрано огромное количество первичной информации, которая научно не обрабатывалась и не использовалась для теоретических выводов и, к сожалению, устаревала, быстро теряя свое значение. Надежда Фридьева (1894–1982), в научных трудах которой была разработана система методов изучения читательских запросов в библиотеках и экспериментально подтверждено внедрение этих методов в практическую деятельность,

Исследования библиотековедов и книговедов преимущественно имели эмпирический характер, поэтому при изучении читателей и чтения в период 1920-х гг. накопилось много полезного, но не обобщенного, фактического материала

а также предложена классификация читателей по определённым социально-демографическим, психологическим и другим признакам, которые определяли особенности читательских потребностей, неоднократно отмечала важность учета психологических аспектов работы с читателями. Н. Фридьева писала, что «работу на абонементе рационально организовать можно только тогда, когда библиотека знает психологию своего читателя ...» [52, с. 175]. Н. Фридьева была постоянным библиотечным корреспондентом Кабинета изучения книги и читателя, членом специальной комиссии по изучению читателя на материалах всеукраинского исследования библиотек. В 1924 г. исследовательница предложила использовать метод изучения эффективности отдельных форм работы библиотеки на основе учета запросов читателей. Н. Фридьева утверждала, что запросы читателей – это та тема, которая не только всегда активно интересовала библиотечные круги, но и вызывала широкий общий резонанс, поскольку читательские интересы дают возможность распознать характер настроений различных социальных групп и раскрыть их психологические наклонности, которые нередко проявляются в еле заметных формах [47, с. 50]. Характеризовать различные стороны психики, по мнению исследовательницы, определенным образом помогает анализ анкет читателей о прочитанных книгах, которые значительно углубляют изучение влияния текста (слова) на формирование читательских интересов и запросов, на исследование взаимодействия «автор-читатель» [46, с. 38]. В 1927 г. по заказу Главполитпросвета была издана научная работа Н. Фридьевой и Д. Балыки «Изучение читателя. Опыт методики» (М.-Л., 1927), в которой авторами были изложены результаты многолетних социологических исследований по изучению читателя и книги [45]. В следующем году было опубликовано второе, дополненное издание этого труда, ставшего своеобразным пособием для библиотекарей-практиков [44]. Исследуя в 1924–1927 гг. читательские интересы, в основном, посетителей городских библиотек, Н. Фридьева выделила пять групп читателей с учетом мотивов чтения и социального положения (учащаяся молодежь; рабочая молодежь; представители высококвалифицированной интеллигенции, которые приспособились к советской власти; представители интеллигенции, которые не приспособились к советской власти; «буржуазные обыватели», которые враждебно относились к власти) [47, с. 52–53; 48, с. 51–64]. За основу типизации читателей исследовательница советовала взять четыре основных признака: социальное происхождение (рабочие, крестьяне, интеллигенция), место в производстве, уровень подготовки, отношение к руководству чтением [42, с. 41].

Характеризовать различные стороны психики, по мнению исследовательницы, определенным образом помогает анализ анкет читателей о прочитанных книгах, которые значительно углубляют изучение влияния текста (слова) на формирование читательских интересов и запросов

Н. Фридьева оставалась сторонницей функционального подхода к изучению процесса чтения. В своих исследованиях она сосредоточивалась на изучении отдельных психических процессов, которые были задействованы при чтении (внимание, память, чувства, мышление, эмоции)

Проблема изучения читателей оставалась приоритетной во всей дальнейшей научно-педагогической деятельности Н. Фридьевой и Д. Балыки. В частности, вопросы изучения психологических особенностей восприятия книги получили освещение в рецензии Н. Фридьевой на книгу М. Рубакина «Психология читателя и книги» (М., 1929); в тексте лекции для высших заочных библиотечных курсов при педагогическом факультете МГУ «Влияние чтения на волевую деятельность человека» (текст опубликован в 1930 г.); в статье «Читатель киевских политпросветских библиотек в 1926/1927 г.» (1930) и в других работах [42–52]. Н. Фридьева оставалась сторонницей функционального подхода к изучению процесса чтения. В своих исследованиях она сосредоточивалась на изучении отдельных психических процессов, которые были задействованы при чтении (внимание, память, чувства, мышление, эмоции). Критикуя идеи библиопсихологии Н. Рубакина, Н. Фридьева в своей рецензии отмечала, что по данной теории слова, записи, книги являются лишь символами и не имеют собственного содержания, они являются лишь возбудителями содержания в конкретном читателе, который становится источником смысла и содержания книги: «Значение, содержание эти закорючки [слова, надписи. – В.С.] набирают от каждой индивидуальной психики. Естественно, что дойдя до такой нелепости, автор ищет выхода из этого переулка и находит его в создании рядового читателя. А «рядовой читатель» есть не что иное, как сама книга. Итак, книга все же существует, у нее есть смысл, это книга, которая определяет в коэффициенте рядового читателя» [49, с. 211]. По мнению Н. Фридьевой, практическая ценность психологической методики Н. Рубакина сводится на нет, поскольку базируется на ложных предпосылках. Впрочем, основное значение работы Н. Рубакина заключается не во внедрении практической методики, которая никогда не будет использована в советской библиотечной практике, а в «возможности подойти с

глубокой и серьезной критикой к основным принципам библиопсихологии [49, с. 212]. В целом, Н. Фридьева считала, что труд Н. Рубакина возбуждает мысль, показывает в библиотечном деле ряд проблем по изучению читателя и книги, побуждает советские научно-исследовательские учреждения взяться за решение серьезных вопросов читателеведения в духе марксизма.

В 1930 г. во втором томе трудов УНИК (сб. 1:«Библиотека и читатель в Украине») было опубликовано три статьи Н. Фридьевой, в которых были проанализированы результаты многолетней работы по исследованию читателей и особенностей формирования их интересов. Однако, вскоре (через год), с усилением борьбы с так называемым мелкобуржуазным национализмом, «искривлениями» марксистско-ленинской теории, в том числе, в советском библиотековедении и вследствие нарастания идеологизации руководства чтением, выводы из работ Н. Фридьевой уже воспринимались неоднозначно и во многом расходились с «генеральной линией партии», несмотря на то, что их теоретическая новизна и практическая значимость были очевидны и научно не опровергнуты. В это время УНИК был объявлен центром «националистического книговедения»; прекращено издание журнала «Бібліологічні вісті» (1923–1931), «Журналу бібліотекознавства та бібліографії» (1927–1930), который был организован на основе «Бібліотечного журналу» (1925–1926) та «Бібліотечного збірника» (1926–1927); прервана деятельность Книжной палаты Украины; репрессирована целая плеяда выдающихся украинских библиотековедов (Ю. Меженко, М. Сагарды, Б. Боровича и др.).

В нач. 1930-х гг. по инициативе партийного руководства библиотечное сообщество осудило Н. Фридьеву как представителя буржуазного библиотековедения. Написанная совместно с Д. Балыкой, научная работа «Изучение читателя. Опыт методики» (М.-Л., 1927) (единственного на то время учебного пособия по читателеведению) была раскритикована, осуждена и изъята из читательского обращения. В январе 1932 Н. Фридьеву заставили выступить с самокритикой «политических ошибок» сначала на руководимой ею кафедре библиотековедения Харьковского института народного образования (с 1929 – Харьковского института политпросвещения, потом – Харьковского института коммунистического образования, а с 1931 – Всеукраинского института коммунистического образования), затем на совещании библиотечных работников Харькова, а также в профессиональной прессе. В 1933 г. в журнале «Бібліотека у соцбудівніцтві» была опубликована ее «статья-покаяние» – «За перевірку боєздатності теоретичного фронту бібліотекознавства (в порядку самокритики)» («За проверку боеспособности теоретического фронта библиотековедения (в порядке самокритики)», в которой Н. Фридьева назвала свои ошибки «меньшевистским идеализмом». Она «раскаивалась», что была поклонницей «корниловской реактологической психологии»[1] и рассматривала биологическое и социальное в человеке как две противоположные силы, а также сводила вопрос влияния чтения в плоскость рефлексологии, что привело к механистическому пониманию влияния прессы на массы [50, с. 31]. В 1935 г. Н. Фридьева была вынуждена оставить преподавательскую работу в связи с обвинениями в украинском буржуазном национализме, идеализме и пр.

Как уже отмечалось, важные аспекты изучения читателей и особенностей чтения были изложены в трудах выдающегося украинского и российского библиотековеда и библиографа, профессора (с 1927) Дмитрия Балыки (1894–1971), который рассматривал вопросы функционирования книги в связи с изучением книги, автора и читателя. Ученый разработал теоретические основы и обосновал методы и направления изучения читателей в библиотеках, вводил в научный оборот специальную библиотековедческую терминологию, участвовал в подготовке многих научных трудов. Д. Балыка был одним из первых в украинском книговедении и библиотековедении, кто обосновал положение о комплексном применении в НИД библиотек научных приемов и методов, которые только и могут давать максимальный эффект в исследованиях [29, с. 27]. Ученый выделил ▶

1 К. Н. Корнилов (1879–1957) – российский психолог, профессор, создатель реактологии. Предложил определенный путь создания марксистской психологии, однако новая психология была механическим синтезом интроспективной психологии сознания, бихевиоризма и рефлексологии с формальным использованием марксистской терминологии. В 1931г. в результате так называемой «реактологической дискуссии» К. Корнилов отошел от руководства психологической наукой.

пять направлений (методов) изучения читателей и чтения: 1) публицистическое направление (метод); 2) эстопсихологическое (метод «научной критики», то есть способ изучения литературно-художественных явлений вследствие активного влияния психологии на литературную критику; этот метод в 1913–1922 гг. активно использовал Н. Рубакин) 3) библиопсихологическое направление исследований (Н. Рубакин, 1922); 4) изучение читательских интересов; 5) психоаналитическая теория читателеведения [9, с. 191]. Кроме того, Д. Балыка акцентировал внимание на обосновании метода «библиологической психоаналитической терапии», в котором книга использовалась как средство выявления и коррекции сдерживаемых влечений во время библиотечных бесед с читателем о прочитанных произведениях. Ученый считал, что указанные методы (направления) исследований читателей следует использовать для получения общей картины изучения книги, читателей и чтения, с учетом функциональных особенностей деятельности библиотек, в зависимости от типа и вида библиотеки. Д. Балыка также подчеркивал важное значение математических и статистических методов в библиотековедческих исследованиях, необходимость обоснования в библиотековедении определенных законов и положений методами формализации. Он даже ставил задачу создать математическую теорию библиотечного дела [3, с. 17]. Исследователь отмечал, что методика изучения читателей по принципу библиопсихологии требует сложного статистического и математического анализа, отбора и исследования основных элементов психики, определения и выбора текста. Кроме того, Д. Балыка критиковал Н. Рубакина за идеологически неверные положения против объективной составляющей содержания книги, за психофизический параллелизм в изучении психических явлений, поскольку это мешает использовать результаты исследований в практической работе массовых библиотек (системы политпросвещения) [5, с. 25].

Д. Балыка также подчеркивал важное значение математических и статистических методов в библиотековедческих исследованиях, необходимость обоснования в библиотековедении определенных законов и положений методами формализации

Анализируя состояние и методы изучения читательских интересов в библиотеках, Д. Балыка подчеркивал необходимость исследования социально-демографических и профессиональных условий и особенностей жизнедеятельности читателей, изучение экономических, политических, бытовых, хозяйственных и других социальных характеристик региона

Не покидая практической работы в библиотечной сфере (сначала в библиотеке Военно-политической школы Украинского военного округа, а затем в ВБУ), Д. Балыка в нач. 1920-х гг. разработал классификацию изданий за общественным назначением как основу для дальнейших книговедческих и библиотековедческих исследований [7, с. 21–23]. В 1925 г. в структуре ВБУ был создан Научно-исследовательский институт библиотековедения, переименованный позже в Научно-исследовательскую комиссию библиотековедения и библиографии. С 1928 г. в её составе функционировала секция книгопользования, которую возглавил Д. Балыка. Во второй пол. 1920-х гг. ученый принимал активное участие в социологическом исследовании читателей, которое проводил УНИК и в работе вышеупомянутого Кабинета изучения книги и читателя [38, с. 119]. В дальнейшем под руководством Д. Балыки деятельность Кабинета (в 1927–1930 гг.) приобрела системный, комплексный характер [22, с. 174]. Ученый считал, что изучение читателя происходит через книгу, причем читатель и книга исследуются в едином комплексе, что только зная читателя можно находить правильные пути педагогического воздействия. Во второй пол. 1920-х гг. на основании многочисленных практических исследований Д. Балыка совершенствовал теоретические основы читателеведения, в частности, он обосновал термины «читательский интерес» и «читательский запрос», выяснил предмет, задачи и границы библиопедагогики, а также предложил, опираясь на аналитические и синтетические методы изучения читателей и чтения, классификацию читателей библиотек, выделив 12 основных социальных групп, которые отражают социальную и политическую структуру общества и уровень производительных сил [8, с. 29].

Анализ процесса чтения, по мнению Д. Балыки, неразрывно связан с изучением читательских интересов, исследованием чтения как проявления социальных, психологических особенностей читателя (реципиента). Свои идеи и теоретические положения ученый обосновывал в статье «Інтереси читачів-українців загальної читальні ВБУ» («Интересы читателей-украинцев общей читальни ВБУ») в соавторстве с О. Карпинской (1927) [1, с. 334–344]. Анализируя состояние и методы изучения читательских интересов в библиотеках, Д. Балыка подчеркивал необходимость исследования социально-демографических и профессиональных условий и особенностей жизнедеятельности читателей, изучение экономических, политических, бытовых, хозяйственных и других социальных характеристик региона. Ученый изучал роль эмоций и стремлений в процессе чтения, формирование читательских интересов на основе эмоциональных впечатлений. В целом, развитие библиопсихологии Д. Ба-

лыка направлял в сторону более глубокого психологического изучения эмоционального воздействия книги на читателя [37, с. 76]. Таким образом, исследователь обосновывал комплексное и систематическое изучение читателя как реципиента, аргументируя и развивая основы библиопедагогики. Д. Балыка отмечал, что Н. Рубакин преувеличивал роль читателя и, как ни странно, недооценивал и даже развенчивал роль книги, однако масштабы его исследований, в частности читателя, подтверждают важность выбранного направления изучения. Д. Балыка подчеркивал, что именно библиопедагогика решает чрезвычайно важные для человеческого общества вопросы: «Какая должна быть книга, чтобы иметь большие последствия и большее влияние, и какая должна быть организация книги и знания читателей, чтобы усилить значение книги» [11, с. 16]. Не только структура книги, но и библиотечная техника (в частности, техника библиографического описания – каталография), по мнению Д. Балыки, подчинены определенным библиопедагогическим принципам, не говоря уже об изучении содержания книги, о педагогической работе с читателями, в которой, по утверждению Н. Рубакина, особенно важной является психология подхода человека к человеку, что, собственно, относится также к сфере педагогики [11, с. 27].

В статье «Бібліологічна педагогіка як наука» (1930) Д. Балыка отмечал, что библиопсихология и библиосоциология выступают эмпирической базой для библиопедагогики, предоставляя соответствующий материал по психологии чтения, взаимосвязи профессиональных и читательских интересов, типичных особенностей поведения различных групп читателей и др. [11, с. 20]. Библиопедагогика изучает данный материал со своей, педагогической точки зрения, соответствующими методами исследования. По мнению ученого, функционирование указанных трех областей науки является вполне целесообразным и логичным, поскольку каждая из них изучает процесс влияния чтения и особенности функционирования книги (текста, слова), при этом именно библиопсихологии суждено стать опорой библиологической педагогики, как «науки о сути, законах, методах и организации педагогического процесса, связанного с книгой и через книгу, понимая книгу в широком смысле слова» [11, с. 15]. Использование данных библиопсихологии, оценка этих данных (речь идет о данных дифференциальной, прикладной, социальной психологии) с педагогической точки зрения становятся основой научных исследований для библиологии [11, с. 21].

В середине 1920-х гг. Д. Балыка отмечал, что несмотря на идеалистическую сущность теории библиопсихологии, не следует отказываться от использования ее методов, изучение которых будет очень полезным для исследований в области читателеведения. Ученый справедливо отмечал, что библиопсихология владеет ценными, в техническом отношении, способами изучения читателя [11, с. 31]. Наряду с С. Вальдгардом, М. Куфаевым и другими книговедами и библиотековедами, Д. Балыка был сторонником рефлексологичного подхода к методологии библиопсихологии. Процесс чтения он рассматривал, с одной стороны, как систему взаимосвязанных элементов, с другой – как функциональный процесс, где принимают участие рефлексы первого, второго и третьего уровня. Анализируя психологическую концепцию изучения чтения М. Куфаева, Д. Балыка отмечал, что предложенная методика с большим количеством психологических

Д. Балыка отмечал, что Н. Рубакин преувеличивал роль читателя и, как ни странно, недооценивал и даже развенчивал роль книги, однако масштабы его исследований, в частности читателя, подтверждают важность выбранного направления изучения

В середине 1920-х гг. Д. Балыка отмечал, что несмотря на идеалистическую сущность теории библиопсихологии, не следует отказываться от использования ее методов, изучение которых будет очень полезным для исследований в области читателеведения

2 Мнема – с греч. mneme (в лат. транскрипции) – «воспоминание, память». Термин впервые использовал немецкий биолог-эволюционист Ричард Семон в 1904 г. и объяснял его (также как и Н. Рубакин) шире чем понятие «память», поскольку вкладывал в него не только накопление индивидом онтогенетической информации, то есть полученной из внешней среды в процессе онтогенеза (развития индивида), но и информации, приобретенной ранее в процессе филогенетического развития (развития вида), как процесса оживления в памяти фрагментов воспоминаний и восстановления благодаря этому целостности событий или образа [33, с. 106]. Согласно теории Семона-Рубакина в результате действия раздражений, полученных индивидом из внешней среды, в клетках вещества происходит некоторое изменение, которое фиксируется на клеточном и молекулярном уровнях и получившая от Р. Семона название «энграмма» («запись»). «Енграфуется» всё, что было пережито организмом – всё, что становится осознанным и всё, что откладывается в подсознании. Совокупность таких энграмм (записей), согласно утверждению Р. Семона, создает «мнему». Источниками энграмм является наследственность, социальная среда (коллективный опыт человечества) и личный опыт индивида [35, с. 67]. На молекулярном уровне вещество сохраняет след от пережитого возбуждения, что в современных исследованиях подтвердилось в изучении механизмов памяти, клеточных изменений в субстанции мозга.

признаков, не позволяет оперировать ими ни библиографам, ни библиотекарям [37, с. 76]. В целом, Д. Балыка связывал библиопсихологию только с изучением читателя и процесса чтения, существенно сужая не только ее объект и предмет исследований, но и опровергая более важные задачи, чем только изучение читателя и чтения, которые были сформулированы Н. Рубакиным. Д. Балыка, так же как и Н. Рубакин, констатировал социальный характер библиопсихологии как науки о социальном психологическом воздействии, характеризуя обусловленность создания, циркуляции, утилизации библиопсихологических ценностей и явлений социальными факторами. Неоднократно Д. Балыка, изучая читателей, в частности, составляющие их мнем[2], представленные различными социальными факторами, доказывал сущность социально ориентированной теории библиопсихологии. Слово, фразу, книгу, совокупность книг, целую литературу Д. Балыка, как и Н. Рубакин, рассматривал как реактивы на индивида и коллектив. Каждая книга, каждая фраза, каждое слово этой фразы являются раздражителями и причинами реакций [22, с. 170]. Однако, в отличие от Д. Балыки, осознавая принцип взаимодействия «книга-читатель» и, соответственно, возможность управлять этим процессом, Н. Рубакин не ставил целью решить вопрос о том, как воздействовать на читателя, хотя его учение о мнеме, о способах ее организации и формирования – опосредованный ответ именно на этот вопрос [35, с. 38].

Однако, в отличие от Д. Балыки, осознавая принцип взаимодействия «книга-читатель» и, соответственно, возможность управлять этим процессом, Н. Рубакин не ставил целью решить вопрос о том, как воздействовать на читателя, хотя его учение о мнеме, о способах ее организации и формирования – опосредованный ответ именно на этот вопрос

Сравнивая методологические подходы Д. Балыки и Н. Рубакина, украинская исследовательница их научного наследия Н. Демчук указывала, что оба ученых отмечали важность максимальной актуализации информационного поля в системе «автор↔реципиент», что для эффективности воздействия книги следует исследовать: во-первых, читателей, особенно, различные типы мнем; во-вторых, книгу как источник раздражения и совокупность разнообразных книг как определенную последовательность раздражителей; в-третьих, «авторство и авторов, как конструирование и конструкторов различных текстов» (Н. Рубакин); в-четвертых, суть и содержание процесса чтения [22, с. 172]. Итак, Н. Рубакин и Д. Балыка имели целью движение исследований в направлении от изучения читателя (чтения) и слушателя (слушания) к анализу текста (книги, произведения, слова) и только после этого – к изучению авторов.

В понимании Д. Балыки, читатель и содержание книги согласно теории Н. Рубакина находятся между собой в функциональной зависимости: содержание существует лишь постольку, поскольку оно влияет на читателя

Подытоживая достижения предыдущих направлений изучения книги и читателя, Д. Балыка утверждал, что «опыт научных библиотек, институтов книговедения должен узаконить один из способов аналитического изучения, исправив ошибки библиопсихологии и эстопсихологии[3], введя в практику также и психоанализ; в целом, создать базу для новых наук «библиологической психологии» и «библиологической педагогики», которыми будут даны основы не одного только направления, а будут охваченными и синтетический и аналитический способы изучения читателеведения разом» [5, с. 35]. В своей статье «Аналітичний та синтетичний метод вивчення читачівства» («Аналитический и синтетический метод изучения читателеведения») (1926), которая не потеряла актуальности и по сей день, Д. Балыка характеризовал основные положения и принципы библиопсихологии Н. Рубакина. В частности, ученый отмечал, что согласно теории библиопсихологии для библиотековеда наиболее важно действие и влияние книги, а не ее содержание и форма [5, с. 22]. В понимании Д. Балыки, читатель и содержание книги согласно теории Н. Рубакина находятся между собой в функциональной зависимости: содержание существует лишь постольку, поскольку оно влияет на читателя. Какой смысл книги в действительности вне читательского восприятия никто не знает – это как кантовский ноумен, «вещь в себе». Отсюда сколько читателей, столько разных смыслов. То есть произведение, книга – это не форма передачи чужого мнения, а возбудитель психики и сознания читателя. Итак, библиологу (книговеду) и библиотекарю надо изучать не книги, а психические явления, психологию читателей. Библиологическая психология имеет своим предметом изучение психических явлений, связанных с созданием, функционированием и использованием печатной, рукописной продукции и устной речи и исследования

3 Естопсихология - направление в литературоведении, который возник в рамках психологической школы в 1880-х гг. Во Франции (работы Е. Эннекена) и объяснял особенности произведения не только по известным принципам эстетики, но и социально-психологическими характеристиками автора, своеобразием общественных условий, в которых возник литературное произведение.

влияния психических раздражений от слова (текста, книги). Д. Балыка отмечал, что Н. Рубакин разделял всю книжную продукцию по «чисто психологическому признаку», опираясь на то положение библиопсихологии, что каждый читатель требует для себя, «индивидуальной книги» [8, с. 18]. По мнению Д. Балыки, исследователи, разрабатывающие психологию чтения согласно теории Н. Рубакина, подводят изучение предмета к анализу душевных переживаний отдельной личности, а затем – индивидуальных особенностей, которые трактуют в терминах старой субъективной психологии, а далее обосновывают читательские типы и классификацию книг. Д. Балыка утверждал, что хотя психика каждого человека самостоятельная, она имеет много от «общественного человека» и от влияния многих социально-биологических факторов. А Н. Рубакин стремится предоставить психике возможность самостоятельного существования. Марксистская же психология, по мнению Д. Балыки, не ищет закономерностей на основе изучения только лишь психических явлений, поскольку опирается на положения практически-трудовой основы формирования природы (и психики) человека, на социально обусловленное происхождение каждого акта психики. Ученый отмечал, что кроме индивидуального восприятия книги, существует и общее, которое обусловлено социальными и биологическими факторами, а для Н. Рубакина восприятие каждого слова обусловлено индивидуальной структурой психики и оно является актом только психическим, поскольку каждый человек по-своему воспринимает текст и он «воссоздаёт» книгу, опираясь на свой смысл понимания. Полемизируя с положениями теории библиопсихологии Н. Рубакина, Д. Балыка настаивал не на индивидуальном изучении читателей, а на особенностях групповых характеристик и изучении «каждого читателя на фоне свойств той группы, к которой он относится», с учетом социально-классовых и производственных условий. Безусловно, каждый читатель имеет свои особенности восприятия и понимания книги, однако, как бы не было различным её понимание читателями, критиками или автором, всё ж таки существует для каждой книги общее понимание основного содержания и смысла. Это понимание обусловлено опытом человечества не настолько разным, чтобы люди не понимали друг друга [10, с. 105–106]. По мнению Д. Балыки, «махистский взгляд» Н. Рубакина, опирающийся на принципы субъективной психологии, не только усложняет классификацию книг по определенным признакам читателей, но и вообще расходится с научными взглядами. В частности, Д. Балыка отмечал, что Н. Рубакин, например, выделял семь элементов (категорий переживаний) «индивидуальной читательской психики» (понятие, образы, чувства, желания, стремления, инстинкты, действия, т.е. умственные переживания действий, воспоминания о которых были возбуждены словом), на основе которых строил библиопсихологический образ читателя, но в психологии количество таких элементов, в зависимости от глубины анализа, в десятки раз больше [5, с. 24–25]. Я. Ривлин в сер. 1920-х гг. отмечал, что процесс чтения и восприятия текста зависит от памяти, особенностей внимания и чувств, которыми оно сопровождается и которые зависят от групповых и индивидуальных особенностей читателя. Читательский интерес Я. Ривлин характеризовал, прежде всего, в психологическом плане, как чувство удовлетворения, которое ощущается читателем в соответствии с тем, что он ожидал прочитать; чувство удовлетворения от интеллектуального труда или сопереживания [32, с. 53]. По определению Я. Ривлина, чтение является процессом взаимодействия мыслей и чувств, вызываемых книгой и в соответствии с ними – мыслей и чувств, хранящихся в памяти. То есть процесс чтения зависит от психологических свойств памяти, особенностей внимания, воображения, скорости реакций и ощущений, которые в свою очередь зависят от групповых и индивидуальных психологических особенностей читателя [32, с. 56–57]. По мнению Я. Ривлина, изучение процесса чтения является предметом исследований психотехники и экспериментальной педагогики, а библиотековедение может только воспользоваться результатами психологических исследований для выяснения особенностей читательских групп [32, с. 61].

Полемизируя с объяснением чтения, которое было сделано Я. Ривлиным и одновременно с субъективно-идеалистическими взглядами Н. Рубакина, Д. Балыка подчеркивал, что процесс чтения является усвоением, переработкой мыслей и чувств, зафиксированных в книге (тексте, слове), а не только тех, что ею (ими) вызываются, следовательно и изучать процесс чтения только по скорости реакции памяти, внимания, воображения и т.д. будет нецелесообразным. ▶

По мнению Д. Балыки, исследователи, разрабатывающие психологию чтения согласно теории Н. Рубакина, подводят изучение предмета к анализу душевных переживаний отдельной личности, а затем – индивидуальных особенностей, которые трактуют в терминах старой субъективной психологии, а далее обосновывают читательские типы и классификацию книг

По мнению Я. Ривлина, изучение процесса чтения является предметом исследований психотехники и экспериментальной педагогики, а библиотековедение может только воспользоваться результатами психологических исследований для выяснения особенностей читательских групп

Д. Балыка отмечал, что социально-педагогическая работа библиотекарей заключается не в изучении психических особенностей отдельных читателей, их читательских «мнем», не в отрицании объективного содержания книги, не в искусственной типизации книг, а в работе с книгой и читателем: оценке книги, отборе и рекомендации лучших книг, помощи читателям критически воспринимать содержание книги

Д. Балыка предлагал исследовать в процессе чтения доминирующие чувства и мысли; интересы; способность воспроизведения текста и мыслей автора; способность обобщения и критического анализа; скорость реакции читателя и, главное, – направление основных идей [6, с. 37–39]. Д. Балыка отмечал, что социально-педагогическая работа библиотекарей заключается не в изучении психических особенностей отдельных читателей, их читательских «мнем», не в отрицании объективного содержания книги, не в искусственной типизации книг, а в работе с книгой и читателем: оценке книги, отборе и рекомендации лучших книг, помощи читателям критически воспринимать содержание книги. Таким образом, Д. Балыка последовательно доказывал необходимость построения и использования, наряду с аналитическим, также синтетический метод в изучении процесса чтения, учитывающий достижения бихевиоризма и трудовой школы. В изучении читателей, подчеркивал ученый, надо ограничиваться общими суммарными психологическими понятиями или избегать их вообще, оперируя понятиями педагогическими. По мнению библиотековеда, надо больше исследовать трудовой опыт, занятия, возраст, социальное положение читателей, их интересы, запросы, отношение к книгам, к прочитанному и пр. Таким образом, главные критерии классификации надо выводить на основании изучения «общественного человека и биологического фактора», на основе исследования связи психики с общественными отношениями, на основе учета местных особенностей: экономических, политических, бытовых, национально-этнических и др. [8, с. 21]. При соблюдении синтетической методы изучения читателей, субъект и объект чтения выступают как единое целое, а характеристика автора книги и личности читателя происходит с учетом общих социальных и биологических свойств одновременно с изучением произведения. Д. Балыка полагал, что целесообразнее перейти не к анализу слишком мелких классификаций, основанных на характеристике образов, аффектов, желаний, инстинктов, ассоциаций, понятий, возникающих у определенного читателя в процессе чтения, а к общему «синтетическому подходу» изучения процесса чтения, с учетом влияния социального окружения человека, трудовых процессов, биологических и общественных признаков, которые являются характерными для данного типа читателей.

Библиосоциология и библиопсихология должны совместными усилиями дать анализ социального назначения книги, ее характера, значения и места в социально-экономической жизни определенной эпохи, «определить рабочий коэффициент книги и взять на учет читательскую технику»

По мнению ученого, надо сделать переход от субъективной библиопсихологии к объективной, с учетом всех главных биологических и социальных факторов (возраст, образование, характер труда, социальное окружение и пр.), влияющих на процессы восприятия текста и чтения. Обосновывая переход от субъективной библиопсихологии к объективной, некоторые библиотековеды 1920–1930-х гг. (Д. Балыка, П. Гуров, Я. Ривлин и др.), настаивали на формировании новой науки – библиосоциологии, которая, признавая социальную обусловленность человеческой психики, должна изучать читателей, исследуя их общественную среду. Однако, Д. Балыка критиковал противопоставление библиопсихологии библиосоциологии, как более объективного научного изучения читателей, основанного на данных бихевиоризма или на выводах марксистской объективной психологии. Ученый утверждал, что данные отрасли науки в отношении изучения читателей равнозначны. Библиосоциология и библиопсихология должны совместными усилиями дать анализ социального назначения книги, ее характера, значения и места в социально-экономической жизни определенной эпохи, «определить рабочий коэффициент книги и взять на учет читательскую технику» [4, с. 95]. Постепенно Д. Балыка приходит к выводу, что «разделять все книги по психологическим типам и разделять всех читателей по принципу изучения особенности каждого человека было бы чрезвычайно трудно и не научно» [8, с. 33]. Важнее было бы рассматривать каждого читателя в зависимости от общественного окружения, в котором он находится. На основе результатов исследований читателеведения ученый предлагает выделить следующие четыре группы читателей: по социальному положению – крестьяне, рабочие, ремесленники; по возрасту – дети, молодежь, взрослые; по степени подготовки – малограмотные, малоподготовленные, читатели со средней подготовкой, специалисты; по профессиональному признаку, т.е. по основной профессии и по характеру труда: организующая, исполнительная, автоматическая группы. При определении социального назначения книги следует учитывать отдельную группу читателей, которая принимает во внимание признаки национальных и антропологических особенностей [8, с. 34]. Главная идея Д. Балыки заключалась в целевом назначении книги, что обусловливало дифференциацию читателей на определен-

ные группы в зависимости от их социального положения, возраста, пола, образования, профессиональной принадлежности, степени готовности к чтению и т.п.

В нач. 1930-х гг. творческий путь Д. Балыки был прерван политическими репрессиями органами власти СССР против многих отечественных ученых, которые были обвинены в буржуазном национализме, меньшевизме и «отклонении от социалистического строительства». В 1933 г. Д. Балика в статье «Несколько предварительных замечаний по поводу советского библиотековедения к XV годовщине Октября» был вынужден «публично покаяться» и выступить с резкой критикой концепции Н. Рубакина, в частности «так называемой библиопсихологии», при этом подчеркивая важную составляющую и педагогическую сущность библиотечного дела. Автор статьи отмечал, что рубакинская методика изучения книги является уже «пережитком пришлого … и ничего не осталось в нашем библиотековедении от «библиопсихологии» Н. А. Рубакина» [2, с. 101–102].

Кроме Д. Балыки, Б. Боровича, В. Иванушкина, Н. Фридьевой психологические свойства различных групп читателей также исследовал талантливый украинский библиотековед А. Выяснивский, который в кон. 1920-х гг. был членом библиографической комиссии УНИК. А. Выяснивский отмечал, что в стране, несмотря на большое количество публикаций по изучению психологии чтения, нет ни одной, не считая работ Н. Рубакина, которая раскрывала хотя бы один из вопросов библиопсихологии. Учёный отмечал, что призыв Н. Рубакина к глубокому и вдумчивому анализу не нашел отклика, а вызвал даже вражду. Правда, сам А. Выяснивский критиковал методы и принципы Н. Рубакина по построению основ новой отрасли науки, обвиняя его в чрезмерной склонности к «сенсуалистическому феноменализму»[4] [19, с. 5]. А. Выяснивский настаивал на комплексном изучении читателя и книги в их взаимоотношении на протяжении определенного периода, а не дискретно. А. Выяснивский акцентировал внимание на доминанте изучения читателя по сравнению с исследованиями книги, которая может быть только критерием оценки его психологических свойств и способностей и настаивал на дифференцированном подходе в изучении книги в зависимости от ее вида и типа; на прямо пропорциональной зависимости интенсивности воздействия произведения (текста) по отношению к «мнестической» способности его интерпретации (функции, относится к памяти); на интегрированном изучении читателя, с учетом его профессии, образования, классовой принадлежности, возраста, пола, особенностей конституционно-биологических, социально-бытовых и психологических признаков (в частности, особенностей развития фантазии и склонности к суггестии – психическому внушению). По мнению ученого, книгу надо изучать отдельно, наблюдая, как относится к ней читатель, какую реакцию она у него вызывает, при этом важно учитывать особенности форм мышления и психического содержания личности (например, эмотивность, интеллектуальность, волевая устойчивость и др.) [19 , с. 8–13]. Изучая читателя, А. Выяснивский пришел к следующим выводам: психологические механизмы, которые участвуют в процессе усвоения художественной литературы имеют определенную связь с конституционно-биологическими особенностями читателей; большая часть читателей активно вспоминает лишь незначительное количество книг, которые прочитала, а остальные книги уже за короткий срок (за 2–4 месяца) забываются совсем, или появляются в памяти читателей при ассоциации названия книги или автора. Ученый также обосновал систему методов изучения читательских интересов и необходимость введения понятия функционального изучения литературного процесса; предложил «Шкалу авторского направления», которая в значительной степени отражает читательские интересы, находящиеся в определенной зависимости от характера процессов усвоения и психического содержания (большинство читателей укладывается в простую схему процессов усвоения – им свойственны синтетические и эмотивные элементы) [19, с. 31–32].

Изучение психологических особенностей читателей и процесса чтения в Украине в 1920-х – нач. 1930-х гг. осуществлялось также и на региональном уровне. В частности, Б. Борович (Харьковская библиотека им. Короленко), Л. Коган (Одесское библиотечное объединение) и др., выявляя региональные особенности чтения, отрабатывали специальные методы изучения читателей и обо-

В нач. 1930-х гг. творческий путь Д. Балыки был прерван политическими репрессиями органами власти СССР против многих отечественных ученых, которые были обвинены в буржуазном национализме, меньшевизме и «отклонении от социалистического строительства»

Изучая читателя, А. Выяснивский пришел к следующим выводам: психологические механизмы, которые участвуют в процессе усвоения художественной литературы имеют определенную связь с конституционно-биологическими особенностями читателей

4 Феноменализм – философское учение о том, что мы познаем не сущность вещей, а только явления (феномены), а ощущения и восприятия – основная и главная форма достоверного познания.

сновывали принципы их классификации, что способствовало развитию теоретических основ отечественного читателеведения, а также – идей и принципов библиопсихологии. Положения и принципы теории библиопсихологии использовали и развивали в своих исследованиях не только отечественные книговеды и библиотековеды, но и специалисты из других отраслей науки (психологии, педагогики, истории, философии, литературоведения и др.). Так, например, исследовал вопросы классификации читательских групп выдающийся украинский литературовед А. Белецкий (1884–1961), некоторые психологические аспекты изучения читателя и чтения были рассмотрены украинским философом, культурологом, филологом, религиоведом Д. Чижевским (1894–1977), который проанализировал основные черты процесса чтения и предложил распределять читателей в соответствии с особенностями и формами чтения. Д. Чижевский в статье «До психології читача та читання» («К психологии читателя и чтения») (1931) утверждал, что чтение как психическое явление не только индивидуальный психический процесс, а и процесс социальный [54, с. 36]. Историографический анализ научных работ 1920-х гг. по изучению читателя показывает, что именно в этот период в стране наблюдается переход от сбора разрозненных данных о составе читателей и читательских интересов в библиотеках к научному обобщению и обоснованию теоретических основ читателеведения [31, с. 10–11]. Как отмечает профессор Т. Новальская, благодаря появлению работ российского библиотековеда и библиографа Н. Рубакина, который исследовал психологию читателя и чтения, а также взаимозависимость читателя и автора, в 1920-х – нач. 1930-х гг. значительно активизировались научные исследования по вопросам изучения читателей [31, с. 9]. Однако, с 1930-х гг. основным содержанием процесса развития советского библиотековедения было сосредоточение усилий именно на идеологических вопросах методологии науки, что происходило в форме резкой, уничтожающей критики «устаревших» книговедческих и библиотековедческих подходов, доведенной до вульгарного социологизма и формализма, до полного уничтожения прежних теоретических достижений. Отсутствие общего подхода к изучению читателей в 1920-х – нач. 1930-х гг. объяснялось во многом процессом становления общественных наук в условиях нового государственного устройства, когда пришло время политической конъюнктуры. Во второй пол. 1930-х гг. тенденция идеологического подхода к характеристике читателя и чтения стала преобладающей, объективное исследование интересов, запросов, свойств читателя не представлялось уже возможным. Изучение читательской психологии, прежде всего, было обусловлено необходимостью идеологического воспитания народных масс. В большинстве своём, исследования носили организационный характер в соответствии с социальным заказом со стороны государства. Однако, следует помнить, что еще в 1925 г. при библиотечном отделе Главполитпросвета была создана специальная комиссия по изучению читателя, а, например, исследования читателей в армейских подразделениях происходили даже по специальным приказам по Красной Армии. Работникам армейских библиотек вменялось в обязанность изучение психологии читателя и процесса чтения. Руководили НИД армейских библиотек специалисты исследовательской психологической лаборатории, организованной при Генштабе армии.

Положения и принципы теории библиопсихологии использовали и развивали в своих исследованиях не только отечественные книговеды и библиотековеды, но и специалисты из других отраслей науки (психологии, педагогики, истории, философии, литературоведения и др.)

Изучение читательской психологии, прежде всего, было обусловлено необходимостью идеологического воспитания народных масс. В большинстве своём, исследования носили организационный характер в соответствии с социальным заказом со стороны государства

Методологический подход к изучению психологии чтения и психологических особенностей читателя у украинских исследователей библиопсихологии 1920-х – нач. 1930-х гг. характеризовался сочетанием психоаналитических, рефлексологических и реактологических подходов и принципов исследования психики, а объединяющей их основой был марксизм, в основном, в упрощенной вульгаризированной форме. Исследователи психологии чтения и читателя, значительная часть которых были сотрудниками УНИК (в частности, Кабинета изучения книги и читателя), осуществили первые попытки научного обоснования типологии читателей, где основными классификационными признаками были: социальное положение, возраст, пол, профессия, уровень образования, национальность, особенности нервной системы и пр. Изучение читателей они строили на принципе строгого социального детерминизма, который был обусловлен социально-классовым подходом в анализе читательского поведения и прямолинейным толкованием зависимости чтения от условий социальной среды. Каждый тип читателей рассматривался как сочетание индивидуально-психологических, социально-демографических, профессиональных, социально-психологических и других свойств читателя, а основ-

ным показателем классификационного типа читателей были особенности читательской деятельности. Большинство исследователей были уверены, что различные типы читателей от одной и той же книги получают различные идеи и впечатления. Исследование механизмов чтения как проявления тех или иных психических процессов (памяти, мышления, внимания и пр.) и их значения в читательской деятельности проводилось в русле основных теоретических положений и экспериментальных данных общей психологии. В изучении психологии чтения наблюдались два подхода – функциональный и структурный (в частности, структурный подход заключался в попытке изучения чтения как целостного психологического явления во взаимосвязи физиологической и социально-психологической его сторон). Однако, почти всеми библиопсихологами 1920-1930-х гг. исследования социального аспекта читательского поведения и механизмов чтения строилось на принципе строгого социального детерминизма, социально-классового подхода и прямолинейного толкования зависимости чтения от условий социальной среды. Таким образом, на рубеже 1920-х–1930-х гг. (фактически, на этапе возникновения и становления библиопсихологии как самостоятельной отрасли науки), определились предмет, объект, методы и структура библиопсихологии, ее взаимосвязи с другими науками, были созданы программы соответствующих исследований в области психологии чтения и читателя, психологического анализа книги и психотехники библиотечного дела. Украинскими последователями и критиками теории библиопсихологии, активными исследователями книги и читателя было разработано несколько вариантов классификации читательских групп, что указывает на активный поиск способов изучения этого теоретического направления исследования читателей. Однако, в силу определенных политических, идеологических, социально-культурных факторов, не все предложенные классификации нашли дальнейшее развитие и воплощение в последующем построении типологии читательских групп. Российский библиотековед, профессор А. Ванеев отмечал, что большим достижением библиотековедческой мысли 1920-х гг. было обоснование принципа дифференцированного подхода в руководстве чтением и аргументация классификации читательских групп, которые проделали Д. Балыка, А. Покровский, Н. Фридьева и др. [17, с. 66; 18]. Впрочем, уже в начале 1930-х гг. исследования по изучению психологии чтения и читателей постепенно начали сворачивать, а в профессиональной периодике значительно сократилось количество статей, посвященных изучению украинского читателя и его информационных потребностей. Уменьшилось также количество научных изданий с библиотековедения и книговедения. За период 1931–1936 гг. УНИК издал 12 книг. К тому же, публиковались в значительной степени политизированые научные труды «нового идеологического направления» (например, труды Н. Биркиной, К. Довганя и др.) [12; 25]. Так, в монографии «Проти еклектики та ревізіонізму в книгознавстві за більшовицьке переозброєння» («Против эклектики и ревизионизма в книговедении за большевистское перевооружение» (К., 1932) К. Довгань, который во второй пол. 1920-х гг. активно изучал результаты анкетирования библиотек, которое проводилось силами Кабинета изучения книги и читателя и участвовал в изучении читателей, подвергал сокрушительное критике как собственные наработки предыдущего десятилетия, так и работу своих коллег. Пытаясь найти доказательства в свою защиту, он сетовал на методологию исследований указанного Кабинета, доказывал «классово-враждебную» сущность статистических показателей, которые «стали орудием против интересов партии, против пролетариата» [25, с. 17]. После критики собственных публикаций автор подверг «подобному анализу» работы М. Куфаева, Ю. Меженко, В. Иванушкина, Д. Балыки, Н. Фридьевой, В. Шпилевич и др., называя их «политически вредными» и «заимствованными из арсенала буржуазной науки» [25, с. 69]. Подобная «научная» критика не могла не сказаться на уровне дальнейшего развития библиотековедческих исследований и библиотечной практики. Таким образом, к сер. 1930-х гг., в результате сложных социально-политических процессов, происходивших в обществе, изучение читателей почти приостановилось. Подобное положение дел наблюдалось фактически до конца 1950-х гг. [30, с. 38]. Теорию библиопсихологии Н. Рубакина в советском библиотековедении считали лженаукой почти до 1960-х гг. Ликвидация библиопсихологии как отдельной отрасли науки значительно замедлили развитие исследований по психологии читателя и чтения. В нач. 1970-х гг. была опубликована монография В. Таловова «О читательской

В изучении психологии чтения наблюдались два подхода – функциональный и структурный (в частности, структурный подход заключался в попытке изучения чтения как целостного психологического явления во взаимосвязи физиологической и социально-психологической его сторон)

Украинскими последователями и критиками теории библиопсихологии, активными исследователями книги и читателя было разработано несколько вариантов классификации читательских групп, что указывает на активный поиск способов изучения этого теоретического направления исследования читателей

психологии и теоретических основах ее изучения» (Л., 1973), где давался основательный аналитический обзор отечественной литературы по изучению читателя и процесса чтения и, фактически, возрождалась проблематика библиопсихологии со следующими задачами: 1) углубленный анализ читательской психологии в свете ленинской теории отражения; 2) изучение читательской психологии как структурно оформленного явления, исследование взаимосвязи и взаимодействия таких ее компонентов, как читательские интересы, читательские установки и читательский спрос; 3) изучение законов функционирования и развития читательской психологии в условиях современной научно-технической революции и построения новых общественных отношений; 4) анализ читательской психологии в системе общественного, группового и индивидуального сознания; 5) определение места читателеведения в структуре науки, научного познания социальных явлений; 6) выявление всего набора присущих читателеведению функций – исторических, теоретических, прикладных; 7) разработка форм и методов утилизации современного научного читателеведческого знания [39, с. 71].

Опираясь на исследования читательской психологии в украинском библиотековедении, Т. Новальская определяет библиотечное читателеведение как отдельную отрасль специального библиотековедения со своим объектом, предметом, терминологическим аппаратом, своими закономерностями и этапами развития

Проблемы психологии читателей в современных условиях в отечественном библиотековедении исследует профессор Т. Новальская, которая считает, что формирование знаний о читателях крайне необходимо для оперативного удовлетворения их информационных потребностей, создания единой базы данных о пользователях для отслеживания эволюции читательского состава, корректировки номенклатуры услуг, совершенствования системы обслуживания в целом. Опираясь на исследования читательской психологии в украинском библиотековедении, Т. Новальская определяет библиотечное читателеведение как отдельную отрасль специального библиотековедения со своим объектом, предметом, терминологическим аппаратом, своими закономерностями и этапами развития [31, с. 28–29]. По мнению исследовательницы, содержанием библиотечного читателеведения является изучение исторических и теоретических аспектов типологии читателей, их социально-демографических и психологических особенностей, читательских интересов, потребностей и мотиваций круга чтения, которые значительной мерой обусловливают организацию обслуживания, комплектование фондов, библиотечный менеджмент и маркетинг. В то же время, результаты изучения читателей библиотек определенным образом влияют на организацию книгоиздания, книгораспространения, формирование общественного сознания, развитие гражданского общества [31, с. 3]. Таким образом, в последнее время приобретают все большее развитие идеи и принципы библиопсихологичних исследований, которые были начаты Н. Рубакиным. Интересно, что те задачи исследований психологических основ чтения, которые были сформулированы на рубеже 1920-1930-х гг., остаются актуальными и до сих пор. Это в значительной мере обусловлено тем, что Н. Рубакин впервые совершил социологический подход в изучении читателей и чтения, первым стал изучать книги с точки зрения их восприятия различными социальными группами читателей и первым дифференцировал читателей за определенными стратами общества. По мнению Н. Рубакина условия социальной среды и характер труда являются важнейшими факторами, влияющими на чтение и восприятие прочитанного. Рубакинская программа изучения читателей была построена таким образом, чтобы получить сведения о том, какие книги и в каких слоях общества находят наиболее благоприятный отзыв. Сегодня в библиотечной социологии применяется «формула Рубакина» при определении «читаемости» произведений конкретного писателя, а идеи и положения библиопсихологии учитываются при проведении государственных социологических исследований по изучению читателей.

Сегодня в библиотечной социологии применяется «формула Рубакина» при определении «читаемости» произведений конкретного писателя, а идеи и положения библиопсихологии учитываются при проведении государственных социологических исследований по изучению читателей

Важность изучения теории библиопсихологии Н. Рубакина и использовании ее методологических подходов в филологических и библиотековедческих исследованиях отмечает в своих публикациях Н. Демчук [20–22]. Исследовательница с позиций книговедения нач. XXI в., на основании сравнительного анализа теорий Д. Балыки и Н. Рубакина, констатирует необходимость создания на основе этих учений принципиально новой теории изучения книги и читателя в широком общественном контексте, а синкретическую природу теорий Д. Балыки и Н. Рубакина предлагает рассматривать как бихевиоральную предпосылку и межотраслевую основу той новой мегадисциплины, которую современные ученые обозначают как психосемантическая гносеология, которая имеет своим объектом информационное поле замкнутой системы «автор ↔ документ (текст) ↔ потре-

битель (получатель)», оперирует комплексом синтетических методик и методов его изучения, которое, впрочем, и является изучением книжного дела в целом [22, с. 178]. Н. Демчук также подчеркивает необходимость введения учебной дисциплины «Основы библиопсихологии» для подготовки всех будущих специалистов системы документальных коммуникаций [21, с. 16–17]. Сейчас «Основы библиопсихологии» излагаются во многих вузах культуры, в частности на факультете культуры и искусств Львовского национального университета имени Ивана Франко. В некоторых вузах России начали готовить специалистов по таким специальностям как «библиотекарь-психолог», «библиотекарь-социолог», «библиотекарь-социальный психолог».

Верификация библиопсихологичних идей Н. Рубакина важна как с прагматической, так и с теоретической точки зрения, так как позволяет определить сферу приоритетных исследований и корректировать теоретические положения идей библиопсихологии. Идеи Н. Рубакина были недооценены его современниками не только вследствие идеологических и политических факторов, но и потому, что были несколько преждевременны, поскольку некоторые объекты библиопсихологичних исследований не были достаточно развиты. Только на рубеже XX–XXI вв. определенные принципы и положения библиопсихологии, приобретая более широкий и глубокий смысл, начали использоваться в научном обороте. Советский и российский психолог и лингвист, академик А. А. Леонтьев (1936–2004) считал, что Н. Рубакин во многом предвосхитил идеи теории массовой коммуникации, а некоторые положения библиопсихологии находят сейчас определенный отклик и параллели в современной психологии, социологии, лингвистике, книговедении, библиотековедении и в других науках [28, с. 12]. Несмотря на методологическую и гносеологическую непоследовательность, концепция Н. Рубакина, при учете соответствующих корректив, может быть использована при разработке современной библиопсихологичной теории. Однако, даже современный уровень развития науки не может дать представления о смысле книги или текста на формальном уровне, то есть на уровне точного определения ее объективного содержания, что становится невозможным вследствие недостаточного исследования объекта и наличия принципиальной разницы между структурами логических знаков и знаков естественного языка. Таким образом, даже сейчас, то, что задумал Н. Рубакин, а именно – создать «мнематическую теорию» на чисто логической основе – не имеет реального основания вследсвии недостаточного уровня развития наук.

Список использованной литературы:

1) Балика Д. А. Інтереси читачів-українців загальної читальні ВБУ / Д. А. Балика, О. Є. Карпінська // Життя й революція. 1927. № 3. С. 334–344

2) Балика Д. А. Несколько предварительных замечаний по поводу советского библиотековедения к XV годовщине Октября / Д. А. Балика // Сборник статей по библиографии и работе научных библиотек. Москва, 1933. С. 88–104

3) Балика Д. А. Определители библиотечной работы: Опыт исследования читаемости, обращаемости и коэффициента интенсивности. 2-е изд., значит. доп. Томск, 1919. 37 с.

4) Балика Д. А. Ще про наукові та організаційні проблеми книговивчення // Бібліологічні вісті. 1927. № 4. С. 91–95

5) Балика Д. Аналітичний та синтетичний метод вивчення читачівства // Бібліологічні вісті. 1926. № 1. С. 16–39

6) Балика Д. Еще раз о научной постановке вопроса изучения читателя // Красный библиотекарь. 1925. № 11. С. 29–42

7) Балика Д. Про класифікацію друків за соціальним призначенням / Д. Балика; Укр. наук. ін-т книгозн. Київ: [б. в.], 1927. 36 с.

8) Балика Д. Про класифікацію друків за соціальним призначенням // Бібліологічні вісті. 1927. № 1. С. 5–36

9) Балика Д. Проблема вивчання читача в історії літератури та в книгознавстві (Тези до доповіді в Кабінет читачівства УНІК'у) / Д. Балика // Праці Кабінету вивчання книги й читача / за ред. Д. Балики. Харків; Київ, 1930. Зб. 1: Бібліотека і читач на Україні. С. 189–191. (Труди / Укр. наук.-дослід. ін-т книгознавства, Секція соціології; т. 2)

10) Балика Д. Читатель и книга // Красный библиотекарь. 1925. № 10. С. 103–107. – Рец. на кн.: Читатель и книга. Методы их изучения: Сб. статей / Сост.: Я. В. Ривлин, Н. А. Рубакин, Б. О. Борович. Харьков, 1925. 99 с.

Верификация библиопсихологичних идей Н. Рубакина важна как с прагматической, так и с теоретической точки зрения, так как позволяет определить сферу приоритетных исследований и корректировать теоретические положения идей библиопсихологии

Несмотря на методологическую и гносеологическую непоследовательность, концепция Н. Рубакина, при учете соответствующих корректив, может быть использована при разработке современной библиопсихологичной теории

11) Балика Д.А. Бібліологічна педагогіка як наука // Бібліологічні вісті. 1930. № 2. С. 15–28

12) Біркіна Н. Проти еклектизму в питаннях читачівства / Н. Біркіна. Київ: УНІК, 1933. 83 с.

13) Борович Б. О. Как читать книгу: О чтении. О книгах. О записи / Б. О. Борович. Харьков: Изд-во «Труд», 1924. 128 с.

14) Борович Б. О. Пути сближения книги с читателем: опыт методологии культурной работы в библиотеке / [Б. О.] Борович. Харьков: 1-я Гос. тип., 1922. 103 с.

15) Борович Б.О. Пути изучения читателя // Читатель и книга. Методы их изучения. Сб. ст. Харьков: Труд, 1925. С. 67–98

16) Вальдгард С. Л. Очерки психологии чтения / С. Л. Вальдгард. М.-Л., 1931. 112 с.

17) Ванеев А. П. Методика изучения читателей и библиотечной практики (обзор публикаций 20-х гг. XX в.) / А. П. Ванеев // Библиосфера. 2007. № 1. С. 63–67

18) Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР М.: Книга, 1980. 232 с.

19) Вияснівський А. Матеріали до конституціонально-психологічного вивчення читачів / А. Вияснівський // Журн. бібліотекознавства та бібліографії. 1929. № 3. С. 5–33

20) Демчук Н. Концепція посіву бібліопсихологічних цінностей (оповідання Івана Франка «Борис Граб»: текстуальний аналіз) // Вісник Львів. Ун-ту. Сер. мистецтвознавство. Львів: Львів. Ун-т ім. І. Франка, 2006. Вип. 6. С. 130–149

21) Демчук Н. Парадигма бібліопсихології в системі реформування вищої бібліотечно-інформаційної освіти / Н. Демчук // Вісник Книжкової палати. 2009. № 4. С. 15–20

22) Демчук Н. Синкретична природа теорії бібліопедагогіки та бібліопсихології (компаративістична студія книгознавчих парадигм Д. Балики та М. Рубакіна) / Наталія Демчук // Вісник Львів. Ун-ту. Сер.: Книгознавство, бібліотекознавство та інформаційні технології. Львів, 2008. Вип. 3. С. 164–179

23) Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Евгений Добренко. СПб.: Гуманитар. агентство «Акад. проект», 1997. 320,[3] с.

24) Довгань К. [Кабінет вивчання книги і читача] / К. Довгань // Бібліологічні вісті. 1926. № 3. С. 83

25) Довгань К. Проти еклектики та ревізіонізму в книгознавстві за більшовицьке переозброєння / К. Довгань. Київ: [б. в.], 1932. 72 с.

26) Іванушкін В. Проблема читачівства та її вивчення: (форми організації та методи роботи Кабінету вивчення книжки та читача при УНДІК). Київ: УНІК, 1926. 32 с.

27) Казанцева Е. В. Библиопсихология Н. А. Рубакина в развитии советской психологии читателя и чтения 1920–30-х годы: Дисс. на степень канд. психолог. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 190 с.

28) Леонтьев А.А. О Н.А. Рубакине: Предисловие к изданию 1977 года / А. А. Леонтьев // Рубакин Н. А. Библиологическая психология / Н. А. Рубакин. Москва: Акад. проект Трикста, 2006. С. 10–13

29) Лопата О. Дослідження інформаційних потреб читача в контексті бібліотечної практики 20-х – початку 30-х років XX століття / О. Лопата // Вісник Книжкової палати. 2011. №7. С. 23–28

30) Лопата О. Дослідження інформаційних потреб читача в контексті бібліотечної практики 20-х – початку 30-х років XX століття / О. Лопата // Вісник Книжкової палати. 2011. № 8. С. 34–39

31) Новальська Т. В. Вивчення читача в українському бібліотекознавстві (друга половина XIX – початок XXI століття): автореф. дис... д-ра іст. наук. / Т. В. Новальська Київ, 2007. 40 с.

32) Ривлин Я. В. Научная постановка изучения читателя // Красный библиотекарь. 1924. № 10/11. С. 52–62

33) Рубакин Н. А. Библиологическая психология / Н. А. Рубакин. Москва: Академ. проект Трикста, 2006. 800 с.

34) Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию / Н. А. Рубакин. М.-Л.: Гос. Изд., 1929. 307 с.

35) Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. Москва: Книга, 1977. 264 с.

36) Рубакин Н. А. Работа библиотекаря с точки зрения библиопсихологии.

К вопросу об отношении книги и читателя // Читатель и книга. Методы их изучения: Сб. статей. Харьков: Труд, 1925. Вып.1. С. 37–65.

37) Савіна З. І. Проблеми вивчення читачів у науковій спадщині Д. А. Балики // Історія бібл. справи в Україні: Зб. наук. пр. Київ, 1995. Вип. 1. С. 74–78

38) Стадник О. В. Книгознавча діяльність Д. Д. Балики // Наукові записки. 2002. № 5. С. 118–120

39) Таловов В. П. О читательской психологии и теоретических основах ее изучения / В. П. Таловов. Ленинград, 1973. 77с.

40) Тимошенко І. В. Читачі публічних бібліотек України: основні напрями вивчення (1900 – 1930-й рр. XX ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.08 книгознавство, бібліотекознавство та бібліографознавство / Ірина Володимирівна Тимошенко; Київський національний університет культури і мистецтв. Київ, 2001. 19 с.

41) Тимошенко І. В. Читачі публічних бібліотек України: основні напрями вивчення (1900 – 1930-й рр. XX ст.): дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.08 книгознавство, бібліотекознавство та бібліографознавство / Тимошенко Ірина Володимирівна; Київський національний університет культури і мистецтв. Київ, 2001. 198 с.

42) Фридьева Н. Библиотечное практиканство (ученичество) / Н. Фридьева // Красный библиотекарь. 1927. № 1. С. 23–41

43) Фридьева Н. Влияние чтения на волевую деятельность человека / Н. Я. Фридьева // Элементы общей психологии / БЗО при пед. фак. 2 МГУ. Москва, 1930. С. 181–188

44) Фридьева Н. Изучение читателя. Опыт методики / Надежда Яковлевна Фридьева, Дмитрий Андреевич Балика; под ред. М. А. Смушковой. 2-е изд., испр. и доп. М.-Л.: Долой неграмотность, [1928]. 158 с.

45) Фридьева Н. Изучение читателя. Опыт методики / Н. Фридьева, Д. Балика; под ред. М. А. Смушковой; Главполитпросвет. М.-Л.:Долой неграмотность, 1927. 118 с.

46) Фридьева Н. К вопросу об изучении читателя / Н. Фридьева // Красный библиотекарь. 1925. № 2. С. 31–39

47) Фридьева Н. Современные запросы читателя и активность библиотек / Н. Фридьева // Красный библиотекарь. 1924. № 1. С. 50–55

48) Фридьева Н. Я. Читатель киевских политпросветских библиотек в 1926/1927 г. / Н. Я. Фридьева / Н. Фридьева // Красный библиотекарь. 1928. № 2. С. 51–64

49) Фрідьєва Н. [Рецензія] / Н. Фридьєва // Шлях освіти. 1929. № 5/6. С. 210–213. – Рец. на кн.: Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию / Н. А. Рубакин. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. 307 с.

50) Фрідьєва Н. За перевірку боєздатності теоретичного фронту бібліотекознавства (в порядку самокритики) / Н. Фрідьєва // Бібліотека у соцбудівництві. 1933. № 3. С. 27–31

51) Фрідьєва Н. Запис попиту як метод вивчання читача і український читач за матеріалами попиту УНІК'у / Н. Фрідьєва // Праці Кабінету вивчання книги й читача / за ред. Д. Балики. Харків-Київ, 1930. Зб. 1: Бібліотека і читач на Україні. С. 116–145. (Труди Укр. наук.-дослід. ін-т книгознавства. Секція соціології. Т. 2)

52) Фрідьєва Н. Читач київських політосвітніх бібліотек в 1926/27 р.: (доповідь в Кабінеті вивчання книги й читача УНІК'у) / Н. Фрідьєва // Праці Кабінету вивчання книги й читача / за ред. Д. Балики. Харків-Київ, 1930. Зб. 1: Бібліотека і читач на Україні. С. 174–188. (Труди Укр. наук.-дослід. ін-т книгознавства. Секція соціології. Т. 2)

53) Хавкина Л. Б. Обследование района с целью характеристики читательской среды / Л. Б. Хавкина // Красный библиотекарь. 1924. № 2/3. С. 143–148

54) Чижевський Д. До психології читача та читання / Д. Чижевський // Бібліотечний вісник. 1996. № 3. С. 35–37

55) Шафир Я. Библиопсихологическая фантастика / Я. Шафир // Книгоноша. 1926. № 46/47. С. 7–9

56) Шифман Л. Против буржуазных путей изучения читателя // Красный библиотекарь. 1931. № 8. С. 22–24

57) Шифман Л. Что такое «рубакинщина?»: Библиопсихология как буржуазная теория чтения и работы с читателем / Л. Шифман // «Красный библиотекарь». 1932. №1. С.14–23

58) Романченко Ж. Теорія бібліологічної психології М. О. Рубакіна / Жанна Романченко // Бібліотечний вісник. 2008. № 4. С. 15–18 ■